

АДАМ
и
ЕВА

Алексей Тугзё-Марков

RED. Fiction

Алексей Гудзь-Марков

Адам и Ева

«ЭКСМО»

2023

Гудзь-Марков А.

Адам и Ева / А. Гудзь-Марков — «Эксмо», 2023 — (RED. Fiction)

ISBN 978-5-04-185327-3

Книга повествует о путешествии по планете молодых ученых, двух девушек и мужчины, исследующих ДНК потомков Адама и Евы. У них, на основе расчетов всей эволюции вида проточеловечества последних шести миллионов лет, возникает гипотеза о скором появлении нового вида Номо, призванного спасти планету от гибели. Красавица Ядвига, обладая незаурядным литературным даром, описывает рождение новых Адама и Евы в своём романе. А вывод повествования в том, что взаимная любовь является единственным залогом спасения земной цивилизации и новое человечество на следующей ступени эволюции будет обладать этим талантом.

ISBN 978-5-04-185327-3

© Гудзь-Марков А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	9
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	39
Глава 12	43
Глава 13	46
Глава 14	48
Глава 15	51
Глава 16	56
Глава 17	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алексей Гудзь-Марков

Адам и Ева

Глава 1

Ослепительный серебряный диск Млечного Пути, излучая океан тепла и света, кренясь по сторонам четырьмя звездными рукавами, вращался в абсолютно холодном темном космосе вслед за скрытым старыми красными звездами, окутанным величайшей тайной, недоступным пониманию ядром Галактики. Вселенский дух, непостижимый Брахман, дыханием пронизывающий каждую точку пространства, воплотившись в бога с человеческими чертами, движением весла остановил свой древний, отлитый из льда и металла ковчег, обратив изливающую свет голову к исполинскому серебристому диску Млечного Пути. Божественными очами Брахман долго рассматривал четыре вращающихся звездных рукава, отыскивая кого-то в их светлой плоти. Золотыми ресницами он касался звездных облаков, стремясь увидеть в малейших подробностях их содержимое. Под галактический диск Брахман подставил ладонь, улыбаясь свету и теплу похожих на искры костра звезд. Наконец Брахман, ласкавший Галактику, как живое, исполненное разума и духа создание, заметил то, что давно искал, и божественное лицо с человеческими чертами неправдоподобной красоты залило космос золотым сиянием.

– Вот она! – воскликнул Брахман. – Птица вдохновения, вдыхающая в плоть жизнь. Не заблудилась ли моя капризная муза среди звезд и куда она летит?

Дыхание Брахмана золотой пылью оседало на крыльях птицы, сотканных из света и духа. Скрытая в груди птицы душа имела тот же золотой оттенок, что и дыхание Брахмана. Миллионы населенных разумом планет Млечного Пути осветились яркими вспышками золотистого цвета. Галактический дух и разум, равномерно рассеянные в звездных рукавах, приветствовали создателя, выплескивая энергию. Божественными очами Брахман улыбался в ответ.

Птица, огибая звезды, планеты, рождающие новые миры облака водорода, грациозно летела все дальше, огромными крыльями разгоняя звездный ветер. Брахман неотступно следил за ней, пытаясь понять, куда именно стремится белоснежная птица преображения с золотой душой в груди.

Наконец вселенский дух очами бога увидел, что птица летит к солнцу и его планетам. Космическая странница настойчиво кружила вокруг источающей нестерпимый жар желтой звезды, внимательно рассматривая голубую планету Земля, покрытую подвижными синими океанами, зелеными, шумящими на ветру лесами, закрученными в воронки облаками, окруженную особым нежным золотым сиянием, выдающим присутствие одухотворенного разума.

– Вот куда нежная птичка стремится, – воскликнул Брахман, кончиком пальца касаясь голубой планеты. – Она еще диковата, но как хороша, живая голубая странница. Пожалуй, вещая птица права, проявляя интерес к Земле. Мне самому давно следовало повнимательнее к ней присмотреться.

Глава 2

Николай, отложив исчерченную карандашом статью, взглянул на часы, подумав с грустью – как медленно течет время, еще сутки ожидания.

Его московская лаборатория, похожая на объемную стеклянную клетку, полную жидкостей и металлов, вмещающее ее мрачное, помпезное здание института с широкими сумрачными коридорами и чередой табличек на высоких тяжелых дверях, за которыми скрывалось таинство, в просторечии именуемое наукой, каждодневная рутина с дорогой на работу и множеством не терпящих отлагательства мелочей – все это разом прискучило, окрасившись серыми тонами.

Влажный, сырой осенний ветер за окном срывал с деревьев листья. Природа, утрачивая яркие краски октября, погружалась в оцепенение с закатом скупого на тепло солнца, ощущая ледяное дыхание Арктики.

Однажды исследовав собственную ДНК, Николай в рамках штатной научной работы с величайшим интересом поднялся ветвями древа мужской Y-хромосомы к легендарному Адаму, как полагают в настоящее время, обитавшему в Африке более ста тысяч лет назад. А ведь в науке, как и в жизни, нет ничего постоянного, а объем информации, дополняющей понимание реальности, растет по экспоненте.

Теперь Николай то и дело рассматривал испещренный непонятными надписями бумажный билет до столицы Танзании портового города Дар-эс-Салам, обласканного бризами Индийского океана и тропическим солнцем.

За залитым дождем окном прощальным аккордом прогремел трамвай, полный молчаливых горожан, отрешенно смотрящих в затылки друг друга невидящими глазами. Неспешно текущие навстречу друг другу автомобильные реки в сгущающихся сумерках раскрасили белые и красные огни. Окна безликих домов озарил свет. Неверными тенями прохожие торопливо растворялись в обезличенном пространстве громадного города. Низкая облачность удерживала над его рукотворным каменным миром купол серого едкого смога.

Дверь лаборатории со скрипом отворилась.

– Вам приглашение, – секретарь директора, высокая худая женщина с пронизательными глазами, протянула Николаю конверт с красивой маркой, отображающей ландшафт танзанийского национального парка Серенгети – научная конференция состоится в городке Мусома, на восточном берегу озера Виктория.

Николай открыл атлас Африки, отыскал парк Серенгети, Мусому, озеро Виктория, вершину вулкана Килиманджаро и расстилающуюся к югу от него степь масаев с городком Набेरера.

– О подобном и мечтать невозможно, – с недоверием произнес Николай, улыбаясь секретарю, не без оснований прозванному в институте Большим Ухом.

Последовала минутная пауза замешательства.

– Однако, – Николай внимательно взглянул на атлас, – как я доберусь от Дар-эс-Салама до Мусомы. Между городами около семисот километров и нет дороги.

– В аэропорту вас будут ждать, – объяснила секретарь, тонкими пальцами касаясь очков. – А далее придется положиться на организаторов конференции.

Николай жаждал увидеть исторгающие лаву вулканы, похожие на моря озера, очерчивающие пересекающий экватор под прямым углом, буквально шириющийся на глазах контур громадного африканского рифтового разлома и населенную стройными масаями саванну.

После работы разошлись в стороны стеклянные двери громадного торгово-развлекательного центра, и Николай погрузился в атмосферу горячо любимого со школьной скамьи спорта

с пятидесятиметровым бассейном, сауной и залами, наполненными гремящими стальными машинами, за рычаги которых держалось множество рук. Вокруг двигались мужчины всех возрастов и весовых категорий, многие из которых обладали развитой мускулатурой, и женщины, внимательно посматривающие на ручные браслеты, отображающие удары сердца и расход калорий. Вдоль кромки бассейна прохаживались зримые женские образы, способные послужить моделями Праксителю и Микеланджело. Всякий раз, вынырнув из воды цвета ультрамарина, Николай с изумленным восторгом отдавал должное их совершенству, заключающему в себе сверхъестественную притягательность.

В одном из углов каждодневного феерического праздника жизни располагался вознесенный на метр боксерский ринг, где, сосредоточенно смотря исподлобья, два десятка здоровых мужчин, натужно дыша, скакали, нанося и отражая хлесткие удары. Центром подвижного сообщества являлся представляющий Африку крепко сбитый черный тренер с круглой улыбающейся головой с монголоидными чертами и каменным телом, зримый Адам, в чем скоро убедится Николай.

Однажды, проходя мимо ринга, Николай невольно обратил внимание на девушку, вставшую в пару с мастером. Ее перехваченный на затылке длинный черный хвост и челка на поллица, а особенно необыкновенные подвижные глаза – все это мгновенно привлекло внимание Николая. Девушка, прыжками подбравшись к благодушному Голиафу, обеими руками наносила ему удары снизу, одновременно уворачиваясь от перчаток противника, молниеносно отклоняя голову влево и вправо, закручивая вихрем вокруг головы хвост и челку. Девичья брутальность завораживала необыкновенным очарованием первобытной звериной реальности.

– Боже, – шептал Николай в растроганном восторге, – на кого она похожа.

Скоро он понял на кого. На обитающего в камышовых плавнях дельты Волги дикого кота манула.

С той поры Николай не мог отказать себе в удовольствии при всякой возможности насладиться необыкновенным зрелищем боя африканского исполина с мужественной амазонкой с глазами и чертами нежного девичьего лица, удивительным образом служащего отсылкой к мужественному коту манулу.

Николай, осмотревшись, замер в восторженном изумлении. Ему представилось видение. Девушка шагала по беговой дорожке, опустив глаза в телефон. Перехваченный лентой на затылке пышный длинный хвост густых каштановых волос спускался на узкую спину. Осиная талия, широкие бедра, длинные стройные ноги – все это являло совершенство, любоваться которым истинное удовольствие.

Далее последовал субботний вечер с насаженной на оживленную роскошную Тверскую широкой площадью Белорусского вокзала, залитую огнями, выхватывающими из холодной слякотной темной осени архитектуру девятнадцатого столетия зрелого классицизма, дополненную зданиями сухого конструктивизма и помпезного советского ампира, сквозь который всюду прорастали посаженные на стальные каркасы современные стеклянные монстры офисных центров и бетонные конструкции жилых комплексов с вращающимися строительными кранами над белой Никольской церковью. Ночная хлебосольная Москва очаровывала своеобразным присущим ей одной обаянием.

Городской квартал Лесной улицы, занятый промасленными, прокопченными за столетие краснокирпичными зданиями бывшего автобусного депо, был превращен в сосредоточие светской жизни, с двором, запруженным автомобилями, с просторными корпусами со множеством прилавков, уставленных разнообразной снедью, от устриц до невообразимого разнообразия пицц, с бокалами розовых коктейлей среди блюд. За длинными столами на высоких стульях, под лампами всех цветов радуги, предаваясь праздному оживлению, сидела публика. Девушки, пары, группы беседующих знакомых.

Очнувшись ото сна в иллюминаторе крылатой машины в голубом пространстве Индийского океана, Николай рассмотрел очертание напоминающего фасоль острова Занзибар. Самолет, заложив вираж, вибрируя, снижался, и из белой дымки проступила береговая линия таинственной Африки.

– Наконец, – произнес Николай, заворуженно наблюдая за всеми оттенками зеленого и желтого, украшающими загадочный континент, в ближайшие сто лет, по уверениям демографов, обещающий пережить взрыв людской популяции.

Дар-эс-Салам, древний порт Индийского океана, веками принимавший торговые суда арабов, индийцев, а с некоторых пор и европейцев, ошеломил Николая смешением культур, шумом и стремительным движением экспрессивного населения.

Но все это меркло на фоне панорамы океана, ласкающего побережье вокруг Дар-эс-Салама. Приближаясь к линии прибоя, океан менял цвет с темно-синего на изумрудный и белый. Цвет пены и песчаных отмелей переходил в зеленое море бескрайнего тропического леса. Пять его ярусов, волнуясь на ветру, источали ощущение всепобеждающей жизни в ее бесконечном, ошеломляющем многообразии – от одноклеточных бактерий до громадных слонов. Торжество красок, запахов и тактильных ощущений кружило голову, и потрясенный Африкой Николай пришел в себя уже в купе идущего на запад в глубь континента поезда, оказавшись в обществе черной спутницы, на площади вокзала ожидавшей его с табличкой с надписью «Серенгети».

Глава 3

Тем временем на западном побережье Канады, в Ванкувере, среди зданий из стекла и стали, в переполненной роботами университетской лаборатории кипела работа. Мелиса готовила материалы по исследованиям эволюции митохондриальной ДНК для выступления на конференции в Танзании, в городке Мисома, стоящем на восточном берегу озера Виктория, в национальном парке Серенгети. Десятки раз по заранее заготовленному списку проверялась всякая мелочь. Хотелось взять что-то еще очень полезное и важное, книгу, бинокль, красочный атлас и справочник, но багаж имел ограничение по весу.

До вылета оставалось трое суток, и Мелиса, отложив список и испещренный правкой текст доклада, не без колебаний приняла решение. Быстроходный катер за три часа домчал ее из Ванкувера в городок Тофино, расположенный на западном побережье острова Ванкувер. Тофино – канадский рай для серфингистов, с пятью пустынными пляжами. В отчем доме в Тофино Мелиса провела детство и юность до поступления в университет.

Пройдя глубоко вдающимся в океан молом, Мелиса опустила каяк в волны и, коснувшись веслом холодной воды цвета стали, погрузилась в нирвану, дарованную сознанию объединением трех стихий: воды, земли и небес. Со склонов гор дул свежий бриз. Волны и ветер, подхватив узкий легкий каяк, помчали девушку к поросшим реликтовым лесом небольшим необитаемым островам, окружающим большой остров Ванкувер, прибежище лосей, пум и медведей.

Утратив счет времени, подсознательно ориентируясь по солнцу, Мелиса гребла до изнеможения. Лесистые берега были едва различимы. Волны, поднимая каяк, словно щепку, на пенистый гребень, увлекали отважную девушку на запад, в воды Тихого океана. По сторонам от каяка над колеблющейся водой показывались исполинские хвосты китов.

– Безумие, – обессилев, шептала Мелиса, ложась спиной на заднюю деку крошечного судна, отдаваясь во власть течений, волн и ветров, менявших силу и направление ежеминутно, сообразно атмосферному давлению. – Знаю, что до островов далеко, а плыть туда – сумасшествие, и все равно плыву, понимая, что на обратную дорогу сил не останется вовсе и добираться придется в темноте, ориентируясь по прибрежным огням, мокрой и продрогшей до костей. И нет спасения от этого безумия, – в уголках глаз девушки проступали слезы восторга и изнеможения.

Навстречу Мелисе вырастали острова с ревущими под скрытой туманом густой сенью леса оленями и лосями. Буйство осенних красок, алых, оранжевых, желтых, зеленых, привлекало внимание девушки, и она, вытягивая вперед затекшие ноги, извлекала из рюкзака бутылку с водой и ломоть черного хлеба и, забыв обо всем на свете, любовалась зрелищем эпического перерождения девственной природы, словно видела все это впервые. Яркие краски октябрьского леса, представленные на фоне большой воды цвета стали и бело-голубых небес, оказывали на Мелису магическое действие, пробуждая в ее хрупком теле нечеловеческую силу и безграничную выносливость. Время для Мелисы останавливалось, и подсознательно она погружалась в разгадку таинственного кода жизни, миллиарды лет вившегося природой перекрученными нитями из атомов углерода, водорода, кислорода и азота. Конфигурации, выстраиваемые в живой клетке четырьмя атомами, представлялись Мелисе с ее богатым воображением зримо эволюционирующими конструкциями.

Из-за облаков показывалось белое северное солнце. Ослепительная звезда очерчивала на воде направленную узким конусом к Мелисе серебряную дорожку. Мир, наполняясь светом, преображался. Стальные воды залива становились темно-синими. Природа улыбалась мужественной девушке, как драгоценному подарку. Едва согревавшее осеннее солнце одухотворяло планету грустью увядания и радостью предвкушения грядущей весны одновременно.

Мелиса владела необыкновенно ярким даром перевоплощения. С ранних лет ее увлекала мифология индейцев. И Мелиса, примеряя на себя ее яркие женские образы, неизменно облачалась в практичные и удивительно идущие ей меховые парки, и кожаные мокасины. Девять месяцев в году Мелиса носила меховую парку с капюшоном, сливаясь с пленительными видами Британской Колумбии, как сливается туя с реликтовым дождевым лесом острова Ванкувер.

Круглое лицо Мелисы обрамляли рыжие волосы. Глаза ангела с картины Рафаэля, ясные, как майское утро, светились счастьем. Мелиса обладала удивительным даром самоотверженного служения делу, которое в определенный момент времени ей казалось необыкновенно важным. Ангельский характер Мелисы восполнял ее образ аурой взрослого ребенка, наделяя владелницу безграничным обаянием.

Всюду вокруг на островах в небеса на полсотни метров поднимались могучие вечнозеленые туи, самые старые деревья на планете. Индейцы племени клеагот свои туи называют висячими садами.

Ветер усиливался, и океан стал волноваться. Отдыхая, Мелиса поднимала глаза на вершины гор острова Ванкувер. В его центре, среди гор, над изумрудными водами озера Хендерсон, по мнению индейцев племени учиглисит, скрывается гнездо громовой птицы. Здесь индейцы уединяются на восемь месяцев перед охотой на китов и совершают свадебные обряды.

Тем временем каяк Мелисы поглотил густой туман. Ориентиры мгновенно растворились в свежей влаге. Померкли огни на пирсах. Осматриваясь, Мелиса вспомнила индейца племени кри, его звали Кошачий Глаз. Вместе они учились в школе, где ежедневно с утра аудитория наполнялась девушками-детьми, девушками-женщинами с макияжем и девушками-романтиками. Индеец списывал у Мелисы, а она хохотала, реагируя на его реплики. Большая часть класса тем временем на телефон фотографировала с тетради выполненные Мелисой задания.

Между Мелисой и Кошачьим Глазом существовала телепатическая связь. Отсутствие друг друга вызывало у них тревогу, и оба невольно предпринимали шаги к взаимному поиску, всякий раз безошибочно угадывая, кто где находится. Окружающие полагали, что оба во взаимном поиске используют обыкновенный разбойничий свист, пение вездесущих птиц, звуки природы, подобные хрусту веток или кругам на воде.

Рассуждая на эту тему, иные рассказывали, что в горах Британской Колумбии, и не только в них, вороны, отыскав оленя, поднимают над ним шум, привлекая к оленю волков, ведь остатки трапезы сулят птицам поживу.

Кошачий Глаз, мужая, органично прорастал сквозь скалы и высающиеся над ними туи и секвойи. Черные, как крыло ворона, длинные волосы индейца скрывали бесстрастное лицо цвета меди, с карими глазами с абсолютной убежденностью в собственной правоте и осознанием непоколебимости своей моральной и физической силы.

Подражая приемам борьбы медведей, Кошачий Глаз с ранних лет упражнялся со сверстниками в ловкости и силе. И его тело достигло совершенства с выверенным до атома балансом составляющих человеческого естества. Облачившись в гидрокостюм, Кошачий Глаз часами плавал в волнах океана, среди досок серферов, каяков и касаток, уподобляясь гению места, безмолвному свидетелю смены времен года и суетного бытия.

Мелиса и Кошачий Глаз говорили на языке на-дене, используемом североамериканскими индейцами. На-дене родствен языкам Китая и Тибета и восходит к архаичной речи, существовавшей до перехода части обитателей Евразии через обнажившийся от воды перешеек Берингова пролива в Америку.

Однажды Кошачий Глаз нашел в лесу медвежонка, выкормил его и вернул в лес. С тех пор раз в неделю индеец на каяке подплывал к скале, подобраться к которой возможно лишь водой, и виделся с медведем, угощая любимца сладостями. Медведь вел друга к порогам впадающей в океан реки, где вместе они ловили лосося.

С некоторых пор к их компании присоединилась Мелиса, и все трое были счастливы.

Мелиса очнулась от мимолетного забытья. Вокруг каяка кружили черно-белые касатки. Между островами существовали сильные течения. Каяк отливом уносило в океан, и Мелиса была не в сила выгрести к берегу, скрытому непроницаемым туманом. Каяк захлестывали волны.

Внезапно перед самым носом каяка из воды выпрыгнул тюлень. Мгновение это показалось Мелисе вечностью. Громадная касатка, поднявшись над волнами в грациозном прыжке, сомкнула челюсти вокруг тюленя.

Едва не опрокинувшуюся в волнующийся океан потрясенную Мелису охватило отчаяние. Обессилив, она опустила руки, и на высокой волне, накренившей каяк, из ее замерзших ладоней выскользнуло весло.

– Катастрофа, – прошептала Мелиса, подняв ангельские глаза к небесам, а они, казалось, были бесстрастны.

В эпическом шуме волнующегося океана появился едва различимый посторонний гул.

Кошачий Глаз ощутил присутствие возлюбленной по трепету сердца, тревогой и радостью сковавшему его грудь.

– Неужели мотор, – произнесла Мелиса бледными губами, и пронзительный крик ее отчаявшейся души перекрыл гул океана.

Из тумана неясным пятном проступил контур большой моторной лодки, и железные руки Кошачьего Глаза, охватив талию Мелисы, молниеносным движением выхватили ее из захлестываемого волнами каяка. Мелиса, обвив руками шею спасителя, с выражением необыкновенной ласки, со стоном поцеловала его, в следующее мгновение от пережитого потеряв сознание.

Кошачий Глаз работал смотрителем национального парка, а по сути был спасателем. В его распоряжении находился и водный транспорт, и навигационное оборудование с чувствительными радарными. На каяк Мелисы загодя предусмотрительный индеец установил датчик, позволявший отыскать судно и его незадачливую владелицу.

В скрытой от мира скалистой бухте под сенью туй и секвой у Кошачьего Глаза стоял укрытый войлоком и шкурами вигвам. В очаге теплился огонь. В котле над огнем, пузырясь, дымилась уха. Из углей достали печеного лосося.

Продрогшая, дрожащая как осиновый лист на ветру, промокшая до нитки Мелиса, отогревшись, забылась в глубоком сне счастливого сытого младенца, едва успев прошептать индейцу.

– Мой самолет в Африку улетает через два дня.

Медное лицо с выразительными глазами склонилось, напрягая слух, и Кошачий Глаз в мгновение, когда Мелиса, глубоко вздыхая, потянулась под пуховым стеганым одеялом, поцеловал ее в разомкнутые губы. Мгновение это обоим показалось вечностью. Духовные миры их, сливаясь, растворились друг в друге. Щеки Мелисы окрасил румянец.

На восходе солнца Кошачий Глаз и Мелиса, сев на лошадей, выступили в поход в горы, к озеру Хендерсон, к гнезду громовой птицы. На берегу озера, согласно местной традиции, они собирались провести обряд очищения перед тяжелым путешествием.

За небольшим отрядом, поднимавшимся в горы острова Ванкувер, растянувшегося вдоль тихоокеанского побережья Канады с юга на север на сотни километров, хладнокровно наблюдали проницательные глаза. Индейцы четырнадцати племен, населяющие остров Ванкувер, не допускали чужаков к гнезду громовой птицы. Полиция украдкой неусыпно присматривала за индейцами.

У маленькой хижины, служившей приютом для охотников, оказались вождь племени клеагот Серый Орел и представитель канадской конной полиции Рон. С улыбкой провожая проследовавший мимо отряд, они обменялись репликами.

– Пять веков назад европейцы в Новом Свете искали золото, – вождь неспешно поднял невозмутимые глаза к парящему над приютом орлу, – а находили индианок.

– Кому такой подарок преподносит природа, – отозвался Рон, и кожа ремней поскрипывала на его сухом теле, обвешанном оружием и средствами связи, – тому, кто делает подарок самой природе, а это взаимная любовь.

Рон помолчал, склонив голову набок, снял с головы широкополую шляпу и с глубокомысленной улыбкой добавил:

– А теперь союз Запада с народами, еще живущими в эпохе меди и бронзы, обусловлен звериной силой представителей третьего мира и утрачиваемой людьми Запада первобытной силой.

На это вождь не ответил, пристально наблюдая за паркой Мелисы и мерно раскачивающимся крупом ее гнедой лошади.

Углубляясь в горы, Мелиса и Кошачий Глаз неосознанно возвращались на тридцать тысяч лет назад, в эпоху существования в сердце Евразии общих предков, прародителей общей генетики индоевропейцев и индейцев, носителей гаплогруппы R Y-ДНК.

Добравшись до заключенного в чашу из скал озера Хендерсон, Мелиса, сбросив с головы капюшон парки, на несколько минут застыла, наслаждаясь красотой легендарного гнезда громовой птицы.

– Божественно, – твердили ее вишневые уста.

На берегу запылал костер, и у него возник спор.

– Какой из национальных парков Канады красивее? – спрашивала Мелиса. – Йохо, Уотертон, Джоспер, Банф или Наханни с водопадом Вирджиния?

– Это все равно что спросить, какая Мелиса тебе больше нравится: в парке, в гидрокостюме или в ситцевом платье, украшенном розами, – улыбался индеец.

– По-моему это преувеличение, – возражала девушка, оценивая высоту окружавших ее хвойных деревьев. – Думаю, самый красивый – парк Йохо.

Кошачий Глаз лишь качнул головой, а Мелиса подытожила.

– Впрочем, наше мнение мало что изменит. Пока обряд не начался, сыграю я на гитаре.

Ветки в лесной чаще хрустнули, и на высланный камнями берег озера неспешно выступил большой бурый медведь. Став на задние лапы, он поднялся во весь рост и глухо зарычал, мотая головой. Фыркая и храпя, кони прижимались друг к другу.

– Курчавая Голова, предводитель племени диких людей севера, – приветствовал своего питомца Кошачий Глаз и, обращаясь к Мелисе, объяснил: – Он, как вождь индейцев кайова, пришел защитить нас от недобрых глаз и духов.

– Как он нашел нас?

– По крикам птиц, по следам лошадей и по запаху. Смешной вопрос.

Курчавая Голова, войдя в озеро, крошечными, налитыми кровью глазами внимательно высматривал рыбу. Черный нос зверя трепетал, круглые уши вращались на большой голове, улавливая запахи и звуки.

– Почему кайова? – спросила Мелиса, любуясь красочно расписанным священным магическим щитом, скрывавшим спину Кошачьего Глаза.

– Команчи, гроза североамериканских равнин, в плен уводили женщин и детей. А их союзники, кайова, предпочитали уводить лошадей.

– Тогда понимаю, – Мелиса улыбнулась, вздыхая. – Курчавую Голову привлекли наши кони. И он намерен их защищать.

– Он мой брат, и защищает он и наших коней, и тебя, Мелиса. Ты ведь знаешь историю белой женщины Синтии Паркер, девятилетней девочкой схваченной команчами в 1836 году и ставшей женой вождя Пета Нокон.

– Она родила индейцу сыновей. Одним из них оказался Куана Паркер, вождь команчей-квахади, самый непримиримый противник армии штатов, – говоря, Мелиса коснулась струн акустической гитары, – еще бы не помнить такую историю. И потом, едва ли мой университет заплатит за меня выкуп.

Кошачий Глаз достал из походного мешка трубку, набив ее табаком, раскурил и протянул Мелисе.

– Полагаю, это часть обряда очищения перед тяжелым путешествием, – Мелиса с обволакивающей полуулыбкой тонкими пальцами перебирала струны, а Курчавая Голова внимательно наблюдал за ней крошечными глазами. – Возможно, мы что-то зароем в землю, например нож или сломанную стрелу.

– Обязательно, а главное – это танец вокруг пылающего огня.

Мелиса заиграла мелодию собственного сочинения, и бронзовое лицо индейца осветилось изнутри. Все природные красоты Британской Колумбии отобразились в той мелодии. Мелиса запела тонким, высоким голосом. Медведь улегся у ее ног. Кошачий Глаз, став на колени, воздел руки в небеса, и слезы восторга потекли по его обветренным щекам цвета мореного дуба.

Глава 4

Изабель, разломив хрустящий багет, с блаженной улыбкой наслаждалась его запахом. Посетители импровизированного кафе под открытым небом, расположенного на набережной Ниццы, украдкой внимательно посматривали на Изабель, указывая глазами на нее своим детям. Изабель природой была списана с портрета Дианы де Пуатье, фаворитки французского короля Генриха II Валуа. По прошествии пяти веков едва ли кто-то в прекрасной Франции затмил Диану собственной красотой. А Изабель Диану попросту воспроизвела, по мнению многих, затмив оригинал.

Яркое солнце заливало Ниццу пропитанным средиземноморской свежестью светом, и окна отелей, сверкая, слепили глаза. Вдоль длинного овала набережной под пальмами плавно двигались потоки людей и автомобилей. Морскую панораму одухотворяли изящные силуэты яхт и громадных круизных лайнеров. С невысоких, заросших пиниями гор солнечного Прованса дул ветер, смягчавший полуденный зной прохладой и запахом разогретой солнцем хвои. Из чрева города, выдержанного в канонах средиземноморской архитектуры, доносился шум вокзала. В приморском аэропорту большие самолеты, покачивая крыльями, садились и взлетали, казалось, из моря. Изабель, налив тонкой, унизанной перстнями ладонью сливки в кофе, внимательно наблюдала за двигавшимися с юго-запада к Ницце облаками.

Учась в магистратуре университета, изучая точные науки, Изабель избрала удивительную профессию. Начав исследовать молнии, она, страстно их полюбив, превратилась в охотницу за ослепительно яркими разрядами чудовищной энергии. Ее влекли эстетика и тайна происхождения молний. И Изабель скоро перевоплотилась в профессиональную путешественницу, оснащенную современной аппаратурой, способной пролить свет на одно из самых загадочных явлений природы.

Вечером Изабель ожидал самолет, вылетающий в столицу Танзании Дар-эс-Салам. Она была приглашена на конференцию в национальный парк Серенгети, в городок Мусома, расположенный при впадении реки Мара в озеро Виктория.

К столику Изабель подошел мужчина.

– Твой билет в Африку.

– О, Пьер.

Спрятав билет в сумочку, Изабель поднялась, мгновенным движением заключив своего научного руководителя в объятия со свойственным любящим жизнь французам беспечным шиком и галантностью.

Пьеру подали кофе, сливки, багет. Пьер был родом из Пьемонта. Он был смугл и коренаст и, как это свойственно французам-южанам, в присущей им эмоциональной беседе движениями рук придавал мыслям форму. Французский язык – язык мировой дипломатии, и в устах Пьера, с его ясным умом и классическим образованием, он превращался в инструмент, исчерпывающе точно и изящно формулирующий смыслы. Как истинный француз, Пьер ничего не принимал на веру, и в научных дискуссиях иностранные коллеги, отдавая должное красноречию пьемонтца, про себя отмечали невольно: *неясно* – это не по-французски, и воистину – кто ясно мыслит, тот ясно излагает.

Пьер искал себя всю жизнь, часто меняя научную тематику и место жительства, пока однажды не пленился молниями и энергией солнца, щедрого к Пьемонту.

Красавица Изабель, галантная и остроумная, была родом с севера Франции, из Нормандии, из края солидных, спокойных, художавых, голубоглазых северян. И дуэт Изабель и Пьера характеризовал всю Францию с ее размеренным образом жизни и умением, заметив красоту всюду, где это возможно, естественно вписав себя в ее раму, насладиться ею сполна.

Две яркие индивидуальности объединяла беззаветная любовь к Франции, к ее искусству, литературе и атмосфере, проникнутой безупречным вкусом и стилем, облагороженными уникальной кухней и своеобразной манерой общения.

В кафе отсутствовала музыка. Клиенты с книгами и газетами в руках часами сидели с чашкой кофе, созерцая море и оживленную набережную.

Изабель и Пьер обсудили недавний совместный визит на воскресную барахолку и содержимое нескольких винтажных магазинов Ниццы. Условились по возвращении Изабель из Африки в воскресенье вместе посетить рынок и городской парк для обсуждения итогов конференции.

– Я всегда мечтал увидеть саванны Африки и подняться на Килиманджаро, – Пьер коснулся внешними сторонами ладоней своих щек, подчеркивая переживаемые эмоции. – Но ты знаешь нашу чудовищную бюрократию, все решающую с помощью писем и вечно ставящую тебя в тупик. Дела, будь они неладны.

Изабель мягким движением белоснежной руки высказала понимание.

– Ради бога, будь осторожна, – Пьер был очень серьезен. – Ты не представляешь, насколько Африка опасна.

В аэропорту Дар-эс-Салама Изабель ожидал ее заочный партнер по научным исследованиям Бонами, учившийся в докторантуре местного университета. Бонами был масаем. Его имя означало «боец». Изабель видела его впервые.

Бонами будто час назад сменил красную накидку кочевника на рубаху и брюки и, отложив копье, надел на руку часы. Худой, стройный, немногословный, с лицом черного европейца, разбавленного генетикой обитателей Верхнего Нила, прародины масаев, спустившихся на юг в саванны, к подножию Килиманджаро, сравнительно недавно, пять столетий назад.

Ослепительно белая, держащаяся исключительно прямо, улыбающаяся одними глазами красавица Изабель и высокий, стройный, как стебель бамбука, масай Бонами в зале аэропорта составили по-своему органичную пару. Спешившие на сафари англичане и немцы, с улыбками кивая друг другу, посматривали на исследователей молний, отдавая должное причудам провидения.

Тем временем Изабель молниеносным движением внимательных глаз исподволь изучила спутника. Ее увлекал характерный для масаев прогнатизм лица Бонами. Это выступающая вперед нижняя челюсть, лишенная подбородочного выступа, особенность, сближающая масаев с монголоидами. Изабель украдкой любовалась увиденной ею впервые совершенной первобытной грацией атлетично сложенного рослого обитателя саванн, его длинными конечностями, тонкими для африканца губами, узким лицом с темной пигментацией пепельного оттенка.

«Для меня вожденная Африка началась с Бонами, и этот пролог опьяняюще естествен», – подумала Изабель, поднявшись в вагон поезда, следующего по маршруту Дар-эс-Салам – Табора-Мванзе.

– А как мы доберемся от Мванзе до Мусомы, – спросила Изабель, и ее излучающие свет глаза мгновенным движением ресниц выказали непосредственное любопытство.

– От Мванзе до Мусомы мы доедем на автомобиле берегом озера Виктория.

Бонами говорил на языке суахили и на английском. Восприятие его речи Изабель восполняла внимательным изучением карты Танзании и собственной мимикой, на которую Бонами живо реагировал,водя длинным тонким черным пальцем по карте. В итоге беседа получалась оживленной.

Всякое высказывание Бонами заключал фразой «акуна матата», что означает «нет проблем». Скоро и Изабель, прежде чем что-то сказать, произносила «акуна матата», и обращенные к ней отовсюду ошеломленные, замороженные лица расплывались в счастливых улыбках.

Глава 5

Ядвига была так красива, что всякий встретившийся с ней взглядом влюблялся в нее без памяти. Вокруг Ядвиги распускались цветы, к ее ногам лynuли звери, мужчины при мысли о ней теряли рассудок. Юная красавица, скрываясь от людских глаз, куталась в широкие плащи, но всюду ее выдавала неправдоподобно совершенная фигура, исполненные величайшего достоинства и грации движения и ясно различимое золотое сияние над головой.

Ядвига спала на огромной кровати в обширной опочивальне. Ее русые волосы устилали шелковое ложе. С вишневых губ срывалось легкое дыхание, и большая ярко раскрашенная бабочка трепетала над ресницами и бровями девицы.

Во сне Ядвига любовалась галактической птицей преображения, в эти мгновения кружившей вокруг голубой планеты. Белую птицу окружало то же золотое сияние, что и Ядвигу.

– Видно, мы одной породы, – шептали вишневые девичьи губы, – я знаю тебя, птица вдохновения. Весной на одной из планет Галактики ты вьешь гнездо, выводешь птенцов и вдыхаешь в камни остывающей вулканической лавы жизнь. И на согретых твоим дыханием камнях навстречу свету распускаются цветы, в океанах рождаются рыбы, а континенты скрывает зеленый ковер растений.

Бабочка села на ослепительно белое плечо Ядвиги, и легкий стон вырвался из алых уст. Огромные голубые томные, влажные глаза Ядвиги на мгновение раскрылись, и бледнеющие на утренней заре звезды, потрясенные красотой этих глаз, устремили в них свои взоры. Не видимые людьми божества, густой толпой теснясь вокруг, ласкали взглядами Ядвигу, словно пчелы алую розу. Большой желтый шмель жужжал на широком подоконнике раскрытого окна с пленительным видом на страну волнистых горных хребтов и голубых озер, красота которых вызывает у человека едва ли не физическое страдание.

Ядвига проснулась, и в ее мистически прекрасных глазах отразилось волнение.

– Я чувствую... она прилетела.

Ядвига, бросившись к открытому окну, невольно ахнула от созерцания представшей перед ней панорамы. Горы тонули в утреннем тумане. Скрытые снегами вершины всюду вокруг ослепительно сверкали в лучах восходящего на востоке солнца. Над бездонными загадочными озерами клубился пар. Скрывающие склоны долин леса гудели на ветру. Глухо ревели, сотрясая скалы многократным эхом, водопады. Все вокруг дышало необыкновенной свежестью и силой.

Ядвига запрягла в коляску коня и поспешила навстречу сверкающим снегам, выше в горы. Сначала дорога шла хвойным лесом, и стаи белок мчались вслед за девичьим экипажем. Выше стлались изумрудные альпийские луга с пасущимися невозмутимыми коровами. Ледники дышали стужей. Сильный ветер протяжно выл, порывами вынуждая Ядвигу кутаться в алый плащ с меховой опушкой. Камни из-под колес летели вниз по склону в молочный туман, наводняющий долину, на дне которой бесстрастно дышало влагой скрывающее глубокую трещину земной коры синее озеро.

На высоте полутора километров над уровнем моря под колесами закрипел снег. Ядвига надела рукавицы на заячьем меху. Разгоряченный конь выдыхал густые облака пара. Ядвига, щурясь, прикрывала ресницами глаза, защищаясь от ослепительного белого сияния.

Конь остановился у небольшого замерзшего озера. Надев коньки, Ядвига вышла на лед. Несколько минут она стояла, раскинув в стороны руки, и, опрокинув к бездонным голубым небесам лицо, прислушивалась к чему-то.

Коньки заскользили, и под шум ветра Ядвига в развевающемся алом плаще отдалась танцу. Это было магическое действо. Живое пространство нуждается во вдохновении, источником которого является красота. Ядвиге об этом было хорошо известно, и она, наслаждаясь

происходящим, самозабвенно танцевала на льду на вершине горного хребта, в окружении глубоких снегов, под рев серебряных водопадов и вой дерзновенного ветра, как могло показаться непосвященному, в полном одиночестве, исключая окутанного клубами пара коня и солнце, нежными лучами беззастенчиво ласкающее совершенный девичий стан.

На самом деле Ядвига танцевала с ангелом. Она ощущала его присутствие, чувствовала его прикосновения и, как ей казалось, даже видела его, едва, словно в густой дымке. Ангел был столь прекрасен, что Ядвига отказывалась верить своим глазам. «Это нереально», – повторяла она про себя, кружась в танце с обнимающим ее призрачным созданием.

Ядвига, танцуя в объятиях ангела, всякий раз, вращаясь, поднимала глаза к небесам. Однажды в раннем детстве, увидев галактическую птицу преображения, Ядвига пережила потрясение. С той поры на каждом солнечном восходе она ожидала эту недоступную для человеческих глаз птицу на вершине горы, над бездонным темно-синим озером с белыми лебедями, в самом сердце страны камней, льдов, водопадов и захватывающих дух видов. Иногда, волнуясь, Ядвига чувствовала приближение галактической птицы, но капризная странница, взмахнув исполинскими крыльями, уносилась прочь, а наша героиня содрогалась в рыданиях. В такие мгновенья цветы на альпийских лугах вяли, никли к земле стебли трав и солнце, покрываясь пятнами, хмурилось. Живая ткань одухотворенного пространства предавалась унынию.

Откровенье было дано Ядвиге до ее земного рождения. Откровенье заключалось в преображении души младенца до рождения. Преображение – это великая любовь и неудержимое стремление к подвигу во имя любви.

Ядвига все детство и юность ожидала нового преображения. Но где был тот, кого она могла полюбить. Об этом огромные голубые девичьи глаза спрашивали бесплотного партнера в ледовом танце. И он отвечал так же глазами, которые Ядвига угадывала по отраженному в них серебристому звездному диску Млечного Пути.

– Дух и разум неразделимы. Материя с ее звездной галактической плотью – это бесконечно малая часть Вселенной, доступная ограниченному человеческому зрению.

– Я знаю, – отзывалась Ядвига мысленно. – А какова цель преображения?

– Человеку предопределено твореньем научиться чувствовать более того, что ему дано воспринимать и чувствовать от рождения. Человеку предопределено ощутить и увидеть мироздание в его истинном виде. Человек увидит, что все мироздание соткано из духа и разума.

– А преображение – это великая любовь и великий подвиг?

– Прежде чем обитатели земли увидят и осознают мироздание в его истинном масштабе и содержании, человечество должно пережить преображение. А это очень непросто. И прежде преобразиться должны хотя бы двое обитателей планеты. Чувства, переживаемые этой парой, могут привлечь к голубой планете ожидаемую тобой, Ядвига, галактическую птицу.

– Вот как, – улыбалась Ядвига.

– Да, – отзывался ангел. – Ведь хорошо известно, когда на земле вспыхивает любовь, это означает скорое рождение новой жизни. А это ли не преображение.

Глава 6

В городке Мусома, в забытой богом и людьми африканской глубинке, царило необычное оживление. На берегу громадного озера Виктория под большим шатром были расставлены стулья с карточками, указывающими имена и фамилии участников конференции. За отдельным столом шла регистрация участников. У стола президиума, выказывая радушие, хлопотали гостеприимные организаторы. Под шатром были представлены все континенты.

Мелиса и Изабель, взглянув на Николая, переглянулись с немым изумлением, безотчетно переживая схожие чувства пугающе влекущего преступного наслаждения. Общаясь одними глазами, девушки понимали друг друга без слов. Все пережитое ими ранее было мгновенно забыто. Обе не осознавали степени своей власти над новым поклонником.

Это безумие началось сразу. Власть Изабель распространилась на Николая, стоило ему увидеть ее. И в первое же мгновение он ощутил в своей груди ее образ, теплый и нежный. Он проник в его душу стремительно летящей птицей. Но Николай еще не догадывался о том, как жесток сладкий плен этого бестелесного беспощадного поработителя, взявшего его в заложники. Едва ли природа создала более изощренного манипулятора. Изабель от рождения неосознанно владела этим тонким искусством. И бросаемый из жара в холод мужчина оказывался в ее полной власти, словно ягненок в зубах волчицы.

Общение с Николаем дарило Изабель чувственное наслаждение. Но всякий раз в его завершении она давала понять, что общение подобного рода последнее, повергая мужчину в состояние шока.

Образ Мелисы на Николая произвел иное впечатление. Тут все было схоже, но мягче, и эмоции, и переживания.

Мелису, Изабель и Николая поселили вместе на берегу озера в глинобитной хижине, разгороженной на три крошечные секции. К ним приставили рейнджеров-масаев. От Изабель не отходил Бонами. Мелису всюду сопровождал Афолаби, имя которого означает «рожденный в богатстве». Николая опекал Кгози, имя которого в переводе означает «король». Рейнджеры жевали траву мираа, а на все обращения с искренними улыбками отвечали «акуна матата».

Стало известно, что открытие конференции предварит сафари по парку Серенгети. Вшестером ученые и их рейнджеры забрались в громадный «Лендровер», и путешествие по девственной саванне Африки, о котором едва ли кто и грезит, началось.

Скоро выяснилось, что неформальным лидером экспедиции оказалась Мелиса. Ей были присущи лучшие черты населяющих запад Канады англосаксов. Она была вежлива, тактична, скромна, свое мнение держала при себе в любой ситуации, создавая атмосферу несуетливого равноправия.

Рейнджеры не выпускали из рук винтовки. На груди масаев висели бинокли. За руль сел Бонами, и на хорошем английском он и вел повествование.

Проехав хаотично застроенными улицами городка, Бонами остановил машину в порту. Сотни лодок разных форм и размеров покачивались у пирсов. Из голубых вод живописного озера Виктория поднимались гранитные глыбы. Вокруг царило необыкновенное оживление.

Мелиса, Изабель и Николай, переживая потрясения от знакомства с африканской прародиной, обменявшись мнениями, сошлись на том, что человек, меняя среду обитания, меняет собственное состояние, а природа, великая девственная природа, способна сделать человека счастливым.

– Можно ли плавать в озере? – спросила Мелиса.

– В озере много крокодилов, – пожимая плечами, ответил Бонами.

– А на каяке? – упорствовала Мелиса, представляя удовольствие, которое сулило ей озеро.

– Во время тропических бурь, в сезон дождей, весной и осенью, на озере бывают сильные штормы.

– Я чувствую необыкновенную свежесть, – вступила в разговор Изабель. – С востока к озеру подступает саванна, а она раскалена солнцем.

– Северо-западный берег Виктории скрыт влажным вечнозеленым листопадным лесом, и его дыхание ощущает вся планета, – объяснил Афолаби.

– Что это за рыба, – спросила Мелиса, указывая глазами на длинную узкую лодку с высоким носом и десятью гребцами народа хайя с корзиной, полной рыбы.

– Это протоптер, – произнес Бонами, – он дышит и жабрами, и легкими и связывает рыб с наземными животными. Мы познакомимся с озером позже, когда отправимся в плавание на остров Рубондо. А сейчас нас ожидают саванны парка Серенгети.

Мотор, поворчав, вздрагивая, взревел, и большой «Лендровер», поднимая облака дыма и пыли, раскачиваясь на ухабах, устремился на восток, в сторону возвышающейся над саванной заснеженной вершины спящего вулкана Килиманджаро.

Громадный парк располагался на высотах от 920 до 1850 метров над уровнем моря. На его западе росли тропические леса. Юг был занят травянистой равниной. В центре парка раскинулась саванна, в которой кочевали четыре с половиной миллиона антилоп, зебр и буйволов, за которыми неотступно следовали охотившиеся ночами, днем прячущиеся от невыносимого зноя в тени деревьев, львы, леопарды, гепарды и гиены. Среди саванны безмятежно странствовали жирафы, носороги и слоны. В реках, разеая громадные розовые пасти, нежились вероломные бегемоты.

– Не могу поверить в происходящее, – шептала Изабель.

– Акуна матата, – отзывались рейнджеры, ослепляя белозубой улыбкой.

Мелиса выглядела абсолютно счастливым подростком. Обрамленный светло-рыжими волосами овал ее лица освещали потрясенные голубые глаза, украшали розовые губы и нежная белая кожа.

Николай от переживаемого восторга, казалось, потерял дар речи. Он что-то писал в блокноте, хватался за фотоаппарат и, наконец, погружался в оцепенение, молча сверяя маршрут движения с лежащей на коленях картой.

В восприятии Мелисы и Изабель Николай олицетворял образ русского солдата, который не мал и не велик, скромен до самоуничтожения и обладает даром находить выход из самой безвыходной ситуации. Вдобавок Николай, обладая недюжинным умом, художественной фантазией, звериной выносливостью и силой, был носителем русской культуры в самых высоких ее проявлениях, включая необыкновенный гуманизм и бесконечную самоиронию.

Одним гармоничным, гениально выверенным природой силуэтом Николай вселял в очаровательных спутниц ощущение безопасности и безмятежного покоя. В светлых глазах Николая было нечто способное урезонить самого отвязанного злодея. Визуальный контакт с Николаем всегда означал мирное решение любого вопроса. При этом Николай был скуп на слова и исключительно рационален в поступках.

А было в Николае и еще нечто неодолимо влекущее женщин. Его духовный мир для всякого приблизившегося оказывался кладезем знаний и эстетических наслаждений. И женщины пленились его заключенным в идеальную внешность интеллектом, с волнующим трепетом неосознанно раскрывая ему собственные миры с их сокровенными желаниями и переживаниями. В свою очередь, и глаза Николая всякий раз при обращении к очаровательным спутницам вспыхивали особым блеском восторженного счастья, сдобренного сомнением, а в самом ли деле все происходит именно с ним.

Над мчавшимся в бескрайней саванне «Лендровером» парили орлы. На полутора миллионах гектаров парка всюду вокруг стада из десятков тысяч антилоп гну, газелей и зебр, мигрируя круглый год, двигались к водопою. Выслеживая добычу в высокой траве, изумляя

неправдоподобной грацией, крались гепарды. Над загадочной, неодолимо влекущей Африкой с ее зелеными, желтыми, синими красками, запахами, бесплодными пустынями и неудержимым буйством жизни, с ее бесконечным разнообразием царил безмолвие. Реальность казалась сном, поверить в который было сложно.

На закате солнца экспедиция достигла имеющей круглую форму деревни масаев, поставленной в море высокой травы, очерченной забором из жердей, защищающим от ночных охотников скот, с десятком построенных из сушеного навоза крытых соломой хижин. Закутанные в украшенные бисером красные покрывала стройные масаи с радушными улыбками встретили гостей.

– Акуна матата, – неслось отовсюду.

– Мы как раз к ужину, – объяснил Бонами, выгружая из автомобиля багаж и перенося его в хижину, предоставленную гостям для ночлега. – Сегодня праздник поклонения богу дождя Нгаи, давшему масаям скот. Нам крупно повезло. Нас угостят коровьей кровью.

Изабель и Мелиса, выдохнув, переглянулись. А Николай, кивнув невозмутимой головой, внимательно осмотрел деревню, представляющую собой африканский ковчег каменного века, две сотни тысяч лет назад в море высокой сочной травы породивший современное человечество. Из-за ограды деревни в трех сотнях метров были видны стоящие под широкой зеленой кроной акации жирафы и пришедшие к небольшому озеру на водопой слоны. Желто-зеленая саванна казалась бесконечной, и лишь на севере проступали темно-синие контуры гор с заснеженной вершиной Килиманджаро.

В деревне люди мешались с козами и коровами. На закате солнца на центральной площади деревни вспыхнул костер. Масаи, надев расписные маски, выстроились вокруг огня в круг и, потрясая копьями, под мерные удары барабанов и монотонный напев, медленно двигаясь по часовой стрелке, начали древний танец поклонения силам природы и почитания предков.

Мелису, Изабель и Николая усадили на циновки вокруг невысокого стола с сосудом с дымящейся коровьей кровью. Корову разделявали тут же. Куски мяса жарили на огне. Подали блюда с мясом и овощами. Бонами объяснял:

– Масаи едят правой рукой. Она считается чистой, а левая – нечистой.

– Как тут обращаются друг к другу? – спросил Николай, передавая сосуд с коровьей кровью Бонами и глазами давая понять, что за его столом пить ее никто не отважится.

– Женщин называют по имени первого ребенка.

К столу гостей подошел невозмутимый, стройный, крепкий, как ствол акации, вождь. Поднялись, раскланялись с любезными улыбками. Лед отчуждения мгновенно растаял. Вождя усадили за стол. Бонами переводил.

– Мы знаем, что в древности саванны Танзании населяли народы, близкие бушменам и готтентотам. И это они породили Адама около двухсот тысяч лет назад. И по сей день бушмены и готтентоты являются носителями корневой мужской Y-хромосомы, именуемой А, – говорила Мелиса, обращаясь к следившему за парящим в сгущающихся сумерках над загоном со скотом орлом вождю, – но с той поры многое изменилось и от древнего населения прародителей современного человечества в Танзании остались лишь крошечные островки.

Губы вождя растянулись в скупой улыбке. Оранжевое солнце, закатившись за горизонт, меркло, и грозное рычание выходящих на ночную охоту львов пронеслось над саванной.

– Три тысячи лет назад с севера, – вождь кивнул на контур синих гор, – с Эфиопского нагорья в нашу саванну пришли кушиты. Две тысячи лет назад сюда с севера, из песков Сахары, продвинулись народы банту, говорящие на суахили.

Вождю подали сосуд с коровьей кровью, и он с видимым наслаждением вкусил теплый напиток.

– А далее, – спросила Изабель, любясь подражающими движениям животных танцующими масаями, ментально общающимися с духами.

– Полторы тысячи лет назад на побережье Танзании в бухтах, удобных для стоянки судов, появились паруса персов и арабов. Началась работоторговля, – вождь выдержал паузу, словно припоминая что-то. – А с 1505 года портовые города Танзании оказались во власти португальцев. Арабы и африканцы изгнали их во второй половине семнадцатого столетия.

В темных небесах проступили яркие звезды южного неба. Мелиса, взяв гитару, запела. Изабель, хмелея от происходящего, подняв руки вверх, принялась танцевать. Масаи, сидя на циновках вокруг, принялись хлопать в ладоши, раскачиваясь в ритме гулких барабанов.

В сумраке в саванне была различима цепочка мигрирующих гну, она казалась бесконечной. Антилопы мычанием поддерживали взаимный контакт.

Скоро вся деревня запела, превращаясь в сцену импровизированного карнавала. Николай подумал о том, какое благословенное место ему довелось посетить и уж не тут ли однажды родился легендарный Адам, счастливый плод множества мутаций наследственной ДНК.

– Какой контраст между ночным небом северного и южного полушарий, – плечо Мелисы коснулось плеча Николая. – Я пытаюсь отыскать созвездие Октанта, центр южного небосвода.

В саванне стали различимы горящие фары. Пение смолкло. Вождь, поднявшись с циновки, молча исчез с каменным лицом. Ворота деревенской ограды отворили, и, визжа тормозами, в ковчег каменного века ворвались три джипа.

– Завтра будет большое сафари, – произнес Бонами с тревогой в голосе.

Мелиса, отложив в сторону гитару, внимательно взглянула на выбиравшихся из джипов людей. Пятеро были иностранцами: китаец, русский, немец, француз и англичанин. Каждого сопровождал рейнджер народа хадза. Из автомобилей выгрузили гору оружия. Масаи исчезли в хижинах. Деревня словно умерла. Была слышна лишь английская речь.

Мелиса, Изабель и Николай уединились в своей хижине, а Бонами с двумя товарищами растворились, скользнув неверными тенями под яркими звездами африканской саванны.

Бонами, Афолаби и Кгози вызвались помочь перенести багаж охотников и, жуя траву мираа с видом простаков, оказались свидетелями разговора, ведшегося на пониженных тонах.

– Насколько я знаю, слово «сафари» по-арабски означает «путешествие», – говорил русский, представлявший собой обезличенное мутное пятно. Зацепиться глазом в нем было не за что, кроме голого черепа и выпирающего живота. Налитый оплывшим жиром серый блик в пространстве.

Ответом было молчание. Русский в компании не пользовался доверием. Сухой чопорный англичанин в пробковом шлеме и шортах держался подчеркнуто обособленно и смотрел сквозь своих спутников, словно их не видел. Вежливо улыбающийся француз и собранный немец с настороженным презрением посматривали друг на друга, сохраняя внешнее приличие. Лишь китаец, движениями и мимикой похожий на робота, выказывал расположение спутникам, и полуулыбка не сходила с его исполненного восточного своеобразия лица с наивно хитрыми глазами.

Охотники сели на циновки вокруг низкого стола с блюдом из жареного поросенка, обставленного бутылками с крепкими напитками. Их рейнджерам подали ужин отдельно, в соседней хижине. Бонами поддерживал огонь в очаге и, владея английским, понимал смысл беседы.

С хрустом заедая жирную свинину листьями салата, обстоятельный немец неспешно рассуждал, с нотками осуждения:

– За павлина или мелкую антилопу теперь приходится платить двести долларов.

– Мы же не в девятнадцатом веке, – замечал француз, и между его бровей залегала складка скрытого недоброжелательства.

– А как вам нравится десять тысяч долларов за слона, льва или носорога, – вставлял китаец, но его будто не слышали. – И триста долларов в сутки отель, то есть соломенный сарай.

Англичанин, раскуривая сигару, хранил молчание, глядя поверх голов компаньонов на орнаменты развешанных на стенах хижины домотканых ковров.

Выпив коньяку, понюхав дольку лимона, русский, аккуратно подбирая слова во фразы, проговаривая каждую букву, произнес:

– А я думаю так. Времена теперь тревожные. Наперед ничего угадать невозможно. В Африке то лейтенанты мятеж подымут, то мусульмане взорвут отель с американцами. И коль уж выбрались на охоту в саванну, все надо сделать по-человечески.

Выпустив облако дыма, англичанин на мгновение скосил на русского глаза.

– Я вот думаю, – последовала пауза, казалось, русский в чем-то усомнился. – Да, думаю разом, за одно сафари, добыть и слона, и буйвола, и льва, и леопарда, и носорога.

Воцарилась молчание. Европейцы, хмыкнув, потупили взоры. Китаец большими черными глазами с сомнением взглянул на русского.

– Весь «большой шлем» разом, – обобщил немец, и вокруг его тонких губ залегли глубокие складки.

– Да, разом по одному зверю из «большой пятерки».

Француз, саркастически улыбаясь, спросил:

– Какое предпочитаете оружие?

Русский, пыхтя, поднялся из-за стола и, расчехлив коллекцию оружия, стал рассуждать, заглядывая стеклянным глазом в вороненные стволы, поглаживая пухлой ладонью изящные приклады с гравировками.

– Винчестер образца 1925 года. Калибр семь миллиметров. У него исключительно настильная траектория благодаря высокой начальной скорости в тысячу метров в секунду.

– Его стрельба эффективна четыреста метров, – заметил немец, цепляя ножом кусок свинины. – Хорош для охоты в горах.

– На слона с винчестером я не пойду, – категорично добавил китаец, поглядывая на англичанина, внимательно изучавшего карту. – У меня семеро детей и пожилые родители.

Русский благодушно кивнул в знак согласия и, торжествуя, достал из чехла привлекший общее внимание штуцер калибра 15,2 миллиметра, с длиной ствола 753 миллиметра и массой 3,9 килограмма.

– Изготовлен в Туле в 1721 году. Дульнозарядное ружье.

Штуцер пошел из рук в руки. Его осматривали, оглаживая, как величайшую диковину.

– Полагаю, с этим штуцером могли штурмовать Ирмайл, – англичанин отложил сигару, и впервые подобие улыбки отобразилось на его худом лице. – Без сомнения, оружие серьезное, и все же...

– Да, – русский, казалось, растопил лед отчуждения и перевел общение в понятную ему доверительную, сердечную атмосферу, – а вот и то, с чем я добуду «большой шлем».

Бонами, расстегнув молнию чехла, подал оружие.

– Калибр 9,3 x 64 миллиметра. Вес пули пятьдесят грамм. Свалит с ног кого угодно.

– Отдача при стрельбе у него такая, – француз поднял руки, – что охотник сам валится с ног.

Тем временем в соседней хижине у очага обсуждалась иная тема. Говорили о зарождении жизни на планете.

– Когда в воду, содержащую растворенные метан, аммиак и водород, ударяет молния, получаются аминокислоты, а это основа жизни, – рассказывала Изабель, и ее нежные, красивые глаза загорались.

– Молния – это таинственное явление, – Мелиса вопросительно смотрела на Изабель. – Я поняла, что молнию провоцируют лучи высоких энергий, идущие к земле из космоса, чуть ли не от взорвавшихся сверхновых.

– Да, и молния пока остается малоизученным явлением, – Изабель, пожимая тонкими плечами, склонила голову набок. – Известно, что молнии бьют на земле сто раз в секунду. Но лишь четверть ударяет в землю. Две трети молний бьют между облаками, горизонтально.

– Получается 1,4 миллиарда молний в год, – заметил Николай.

Изабель в ответ улыбнулась, и отражающие свет очага глаза ее сверкнули, как у крадущейся в ночи кошки. Воодушевившись вниманием к теме, она объясняла:

– Молнии в верхних слоях атмосферы необыкновенно красивы, они бьют от земли в космос, и их делят на три вида. Эльфы – это слабосветящиеся вспышки в пять миллисекунд. Они представляют собой конус с диаметром основания в четыреста километров и высотой до ста километров. Спрайты бьют из облака вверх на высотах в 55–130 километров. Джеты – это конусообразные трубки синего цвета, высотой в 40–70 километров.

– Я видел карту с плотностью частот ударов молнии, – Николая заинтересовала необычная тема. – А где на планете чаще всего ударяют молнии? Полагаю, в Африке.

– Место это известно, – Изабель, выказывая убежденность, коснулась рукой груди. – Деревня Кифука, скрытая в горах на востоке Конго. 158 ударов молний в год на одном квадратном километре.

– Потрясающе, – воскликнула Мелиса. – Вот бы туда попасть. Я вижу, области наших научных интересов совпадают.

– Это прекрасный повод для совместных путешествий. – добавила Изабель и взглянула на Николая, а он дополнил, интонационно завершая тему.

– И приключений. Охотница за молниями в компании искателей древнейшей на планете генетики. Олицетворение единства земного и небесного.

– Я и мечтать не смела о подобной компании. Но прошу вас просветить меня в вашей области, – Изабель обратила глаза на Мелису. – Я знаю, что генетики отстраивают древо мужской Y-хромосомы, представленной в кодирующей наследственности ДНК ядра живой клетки. И корнем древа является гаплогруппа А, представленная в Африке. За А следует возникшая из нее гаплогруппа В, также представленная в Африке. Далее за А и В следуют все остальные Y-хромосомные гаплогруппы.

– По сути, ты ответила на свой вопрос, – Мелиса взглянула на Николая, и он кивнул. – Гаплогруппа А была у Адама. Его Y-хромосома включает все мутации, имевшие место между рождением Адама, и мутации его наследника гаплогруппы ВТ, имевшей место 88 000 лет назад. Так вот, наследники Адама покинули Африку, и гаплогруппа ВТ – предок всех неафриканских гаплогрупп.

– Что такое гаплогруппа, – спросила Изабель.

– Это группа схожих типов ДНК, имеющих общего предка, у которого произошла мутация, унаследованная всеми потомками, – объяснила Мелиса.

– Когда жил Адам? – Изабель обратила внимательные глаза на Николая.

– Оценки разнятся. Во всяком случае, сходятся на том, что Адам и его Y-хромосома из корневой гаплогруппы АОО родились с вероятностью в 95 % между 260 200 и 163 900 годами до нашей эры. Если две цифры сложить, поделив на два, выходит 208 300 год до Рождества Христова.

– А мои данные в настоящий момент такие, – Мелиса подняла глаза к соломенной кровле хижины, словно припоминая что-то, – по результатам сравнения Y-хромосомы неандертальца из пещеры Эль-Сидрон и африканца с Y-хромосомой гаплогруппы АОО время появления Адама оценивают в 275 000 лет с 95 % доверительным интервалом: 304 000–245 000 лет.

– Когда жил общий предок современного человека и неандертальца? – спросила заинтригованная Изабель, вкрадчиво заглядывая в глаза собеседников.

– Около полумиллиона лет назад, – ответила Мелиса. – Думаю, тебе, Изабель, будет интересно. В настоящий момент, а в популяционной генетике все стремительно меняется, все обнаруженные носители гаплогруппы АОО живут в западном Камеруне, в составе племени никонгхо-мбо. Это по соседству с Конго, с местом, где чаще всего бьют молнии.

– Очень кстати. В самом деле, все сходится. Думаю, мы не скоро расстанемся, – Изабель сделала заметку на карте Африки. – Я слышала, что бушмены и готтентоты являются обладателями корневой Y-хромосомы гаплогруппы А.

– Да, – кивнула Мелиса, – бушмены имеют самый высокий уровень генетического разнообразия. Генетическое расхождение бушменов и остального человечества имело место не позже 60 000 лет назад. Бушменов и готтентотов объединяют в капоидную расу, и она имеет много общего с монголоидами.

– Я знаю, что знахари бушменов лечат болезни, общаясь с духами, и умеют вызывать дожди. Воду бушмены хранят в страусиных яйцах, которые закапывают в песок пустыни юга Африки, – Изабель мечтательно улыбалась. – А готтентоты любят рассказывать о повадках жадной гиены, хитрого шакала и глупого льва. Бушменским рисом называют личинки муравьев. А деликатесом носители древнейшей Y-хромосомы планеты считают жареную саранчу.

– Я слышала о том, что французы точны в формулировках, – Мелиса качнула головой, – но не представляла, что точны настолько. Все абсолютно верно. Дополню лишь. Бушмены и готтентоты говорят на койсанских языках с шелкающими согласными. А обитают они в пустыне Калахари на юге Африки. Небольшие островки, сохраняющие древний койсанский язык, сохранились и в Танзании.

– Для полноты картины следует сказать о пигмеях, носителях гаплогруппы В, – вступил в разговор Николай. – Последний общий предок гаплогруппы В жил около 84 800 лет назад.

Беседу прервал вошедший в хижину Бонами. Он еда сдерживал волнение.

– Эти пятеро с десятью рейнджерами завтра собираются на охоту. Проводник отведет их на границу парка Серенгети, и формально они будут охотиться вне парка. Но на самом деле могут погибнуть животные «большой пятерки». И это ужасно. Сейчас даже масаи прекратили охоту на львов и зарабатывают туризмом.

Воцарилось молчание.

Наконец под треск горящих ветвей сухой акации Мелиса произнесла:

– Должно же быть какое-то решение.

Все посмотрели на Николая, а он взглянул на Изабель и с загадочной улыбкой одними губами едва слышно молвил.

– Мы помним из школьного курса физики, как Бенджамин Франклин, запустив в грозовую тучу воздушного змея с проволокой и связкой ключей внизу...

– Получил разряд молнии, – Мелиса всплеснула руками и, посмотрев на Изабель, спросила: – Сегодня вечером я обратила внимание на темно-синие тучи, подходившие в саванну с Индийского океана.

В это мгновение капли дождя упали на соломенную кровлю хижины и над саванной гулким эхом прокатились раскаты грома. Решение родилось мгновенно. В деревне Бонами отыскал китайского воздушного змея, моток проволоки и лошадиную подкову. Масаи позволили взять их расписные маски.

Дверь хижины охотников отворилась, и Мелиса и Изабель предстали на пороге в масках и набедренных повязках. От восторга охотники, как раз доедавшие поросенка и распечатавшие третью бутылку виски, замерли, решив, что это включенный в тур сафари бонус, но по выражению лиц своих рейнджеров поняли, что это не так.

Бонами, Афолаби и Кгози с копьями в руках, в масках представились шаманами, решившими совершить обряд благодарения за грядущую удачную охоту. В хижине охотников стало тесно. Мелиса и Изабель, хлопнув в ладоши, топнули обнаженными ногами. Ударил барабан, и началось безудержное веселье.

Тем временем Николай уложил багаж экспедиции в «Лендровер» и опробовал двигатель.

После того как откупорили пятую бутылку и сорвали маски с Мелисы и Изабель, Бонами густым басом объявил, что духи требуют запустить в небо послание, дабы они сумели дать охотникам знамение о грядущей удаче в саванне. Кгози подал охотникам подкову с проволокой и воздушным змеем. Змея подбросили, и он, к всеобщему восторгу, взмыл в темные небеса. Подкову с проволокой обернули вокруг торчавшего из стены хижины гвоздя.

Мелиса и Изабель объявили, что им нужно переодеться. «Лендровер» тронулся под проливным дождем с открытыми дверями, и девушки с тремя рейнджерами запрыгнули в него на ходу. В мгновение, когда «Лендровер» передним бампером в щепки разнес деревянные ворота деревенской ограды, раздался треск и поток чудовищной небесной энергии ослепительно-белой переламывающейся стрелой ударил в кровлю хижины охотников.

Последнее, что заметили пассажиры «Лендровера», – в деревне масаев было освещенное молнией каменное лицо вождя, стоявшего с воздетыми в небеса руками.

Глава 7

К городку Мусома ехали всю ночь едва различимой в саванне дорогой под тропическим ливнем, казавшимся новым библейским потопом. С рассветом на севере проступили очертания горы Шамполи.

– Потухший вулкан, – рассказывал Бонами, указывая на Шамполи. – Это уже Кения. Под этой горой моя родная деревня.

– Это земли масаев? – спросил Николай.

– Да. Масаи живут и в Кении, и в Танзании. У них нет своего государства.

– Они, как индейцы оджибве, считают, что земля не может никому принадлежать и ее можно лишь использовать, как огонь, воздух и воду, – улыбнулась Мелиса.

– Пожалуй, – согласился Бонами.

– Девственная саванна – это природа эпохи Адама, – заметила Изабель и воскликнула с непосредственностью ребенка: – Слоны!

Залитым водой зеленым ковром саванны, выступив из-за редких акаций, дорогу переходили натопанной веками тропой три десятка громадных африканских слонов. Чувствуя опасность, слоны сгруппировались, заслонив детенышей. Слонята барахтались в лужах.

– Как сыро и как хороши эти исполины, – восхищалась Мелиса оглашавшими саванну трубным ревом слонами.

– В год в Африке от рук браконьеров гибнет от тридцати до сорока тысяч слонов, – объяснил Бонами, и его большие карие глаза с грустью смотрели на спутников. – Раньше и масаи занимались охотой и на львов, и на иных диких животных. Но теперь они поняли, что чем больше в саванне пасется зебр и антилоп, тем более сыты львы и хищные кошки меньше охотятся на скот масаев. И поголовье львов вокруг горы Шамполи увеличилось в несколько раз.

– Однако сколько же воды, – изумилась Изабель.

– Осадки выпадают над Килиманджаро. Гора собирает вокруг себя идущие от океана тучи, не пропуская их далее на континент. И дожди пополняют влагой озера рифовой долины.

В Мусоме после первого дня работы конференции, а доклады герои повествования прочли в первый день, всех желающих пригласили на остров Рубондо, представляющий собой заповедник, затерянный среди голубых вод озера Виктория. Длинная парусная лодка с высокими бортами приняла наших героев, и началось плавание водами величайшего в Африке озера.

Большой остров Рубондо был скрыт непроходимым тропическим лесом с саванной и болотами, среди которых в безмятежном покое бродили слоны, жирафы, носороги и бегемоты. Над девственным раем парили орлы.

На Рубондо, лишенном цивилизации, люди растворились в первозданной природе родины современного человечества, и вечером, сидя на берегу озера вокруг пылающего костра, Мелиса, вдохновившись происходящим, поведала историю.

– Канада – северная страна, но с Африкой ее роднит то, что значительная часть Канады пока еще не искалечена людьми и прогресс там еще не обернулся регрессом.

– Если тут слишком жарко, то в Канаде слишком холодно, – склоняя набок украшенную завитыми локонами голову, развела руками Изабель. – Думаю, все к лучшему.

– Эту историю мне рассказала бабушка. Семейное предание, – Мелиса обвела спутников вопросительным взглядом и, убедившись в доброжелательном восприятии, поведала с недюжинным актерским даром: – Все случилось в Монтане, на границе Канады и Штатов, в XIX веке. Моего прадеда звали Джон Хайнс. Он был охотником-траппером и в компании десятка таких же охотников добывал для Мисурийской пушной компании Майкла Иммела и Роберта Джонса бобровые шкурки на земле индейского племени черноногих.

– Это племя, которое вело войны со всеми соседями-индейцами, – дополнила повествование Изабель.

– Да, – Мелиса кивнула и, обведя глазами восторженного подростка погружающееся в ночь озеро Виктория и непроницаемую стену джунглей, заметила: – Реальность меняет мироощущение человека, и порой он чувствует себя богачом, таковым не являясь.

На огне запекали рыбу. Бонами приправил ее травами и на пальмовых листьях подал гостям.

– То было удивительное время, – неспешно продолжила рассказ Мелиса, облизывая тонкие пальцы. – В 1831 году Джеймс Кипп, представлявший американскую пушную компанию, заключил мир со свирепыми черноногими. Для индейцев было решено построить торговый пост, где Джеймс Кипп будет покупать у индейцев меха, а трапперов посылать в земли индейцев уже не придется. На реке Миссури построили пост Форт-Пиеган. Позже его называли форт Маккензи.

– И наступил мир, – предположила Изабель, отрывая от связки бананов спелый желтый плод.

– Да, – Мелиса усмехнулась, и в ее глазах отразились искры костра. – Мир наступил, но каждая сторона понимала его по-своему. Черноногие приносили в форт горы пушнины в обмен на товары и оружие, а на обратном пути, встретив белого, неизменно его убивали и, сняв скальп, праздновали победу. А индианки под бой барабанов, торжествуя, поднимали скальп на шесте.

– Полагаю, такой мир скоро окончился, – предположил Николай, подкладывая в огонь ветви.

– Да. С завершением сезона охоты черноногие форт сожгли, – Мелиса качнула головой. – Какая вкусная рыба.

– А когда черноногие получили доступ к огнестрельному оружию? – спросил Николай.

– С канадскими торговцами черноногие ладили. Компания Гудзонова залива в 1780 году на реке Саскачеван построила торговый порт Бакингом-Хауз, и у черноногих появилось огнестрельное оружие, и они изгнали из прерий в Скалистые горы не имевших ружей шошонов, плоскоголовых и кутеней, а когда и они стали обладателями огнестрельного оружия, бои за право охоты на бизонов возобновились.

– По-моему, черноногие восхитительны, – усмехнулась Изабель.

– Да. В 1810 году Александр Генри написал о них: «Они самые независимые и счастливые люди из всех племен, живущих к востоку от Скалистых гор. Их восхищают война, женщины и бизоны, и всего этого у них предостаточно».

– Исчерпывающая характеристика, – кончики губ Изабель поднялись. – А черноногие возделывали землю?

– Торговые агенты организовали для черноногих ферму, и вождь Маленький Пес заинтересовался было делом. Но стоило начаться охоте на бизонов, история с фермой пошла прахом. Но вернусь к моему предку Джону Хайнсу. Он сблизился с индейцем Красное Облако, и тот попросил написать для него рекомендательное письмо для предъявления на торговых постах. И Джон написал: «Предъявитель сего, Красное Облако, – самый отъявленный негодяй, обманщик, вор и разбойник к востоку от Скалистых гор. То, что он не получит у вас днем, он непременно украдет ночью. Гоните этого никчемного лентяя в шею».

– Ваш предок обладал недюжинным чувством юмора, – воздев руки, восхитилась Изабель. – Вижу, сюжет закручивается.

– Да. После посещения ближайшей торговой фактории Красное Облако решил отыскать Джона, где бы он ни находился. Скоро индейцы, читавшие следы с ранних лет, как букварь, выследили незадачливого сочинителя на почтовой станции. Собравшиеся на станции лошади

также заинтересовали индейцев. Хорошим вождем индейцы считают того, кто со своими воинами, застав врагов врасплох, перережет им горло, не понеся потерь.

– Полагаю, в тот день такой вождь и привел индейцев к почтовой станции, – предположил Николай.

– Думаю, да, – согласилась Мелиса. – Индейцы появились из утреннего тумана, как привидения, и на станции едва успели запереть дверь и выставить в окна дула ружей. Индейцы кинулись к лошадям, но их цепи были на замках, и команчи искалечили лошадям ноги.

– О боже, – воскликнула Изабель.

– Я очень смягчаю, – заметила Мелиса. – Индейцы пустили в деревянное здание почтовой станции зажженные стрелы. Со станции крикнули: если им позволят уйти, ружейной стрельбы не будет. Черноногие согласились, решив прежде разграбить станцию, а уж потом добраться до бледнолицых. Держа заряженное оружие в руках, белые вышли из здания. А тут индеец по-английски важно заявил, что красивая женщина, и указал на нее рукой, останется с ним. Ее муж выстрелил. Индеец упал. Все бросились обратно к дверям станции. Черноногие натянули тетиву луков и увидели на дороге дилижанс.

– Его они приняли за отряд солдат, вскочили на своих лошадей и умчались, – предположил Николай.

– Так и было. При этом черноногие заметили на станции Джона Хайнса, и Красное Облако с десятью товарищами устроили засаду неподалеку, зная, что у трапперов есть десятки капканов и сотни бобровых шкур. Джон запряг мулов в фургон, погрузил в него охотничьи трофеи и с приятелем Уитфилдом покинул почтовую станцию, направляясь в ближайший форт, отстоявший в трехстах милях. На речной переправе фургон застрял, и в это мгновение появился Красное Облако. Джон стегнул мулов, фургон наехал колесом на большой камень и завалился на бок, а Уитфилд выстрелил в бегущего к нему индейца. Тот упал замертво. Пронзенного десятком стрел Уитфилда черноногие вытащили из реки, сняли с него скальп, тело расчленили.

Наступила тишина. Мелиса восхищенно посмотрела на звезды темного южного неба, отыскивая Большое и Малое Магеллановы Облака.

– А Джон выжил, – произнесла Изабель.

– Да. Иначе я все это вам не рассказывала бы. В лагере черноногих на Джона с томагавками кинулись родичи погибшего. Но вмешались вожди, Белая Антилопа и Маленький Бизон. Выкурив трубки, они велели Джону раздеться и голым бежать прочь.

– Любители охоты, – заметил Николай.

– Джон, пробежав с минуту, услышал позади военный клич. Обернувшись, он увидел десяток юношей с копьями, устраивающих на него охоту. Джон бежал около получаса, пока не начал задыхаться, и позади себя услышал дыхание догонявшего его индейца. Джон, остановившись, протянул вперед руки, моля о пощаде. Индеец ткнул в него копьем. Джон увернулся, ухватившись за древко, и с отчаянием гибнущего, дернув копье на себя, вырвал его из рук юноши и вонзил копье в черноногого. Услышав позади вой ярости, Джон с новой силой пустился бежать, прихватив одеяло с черноногого. Впереди была видна речная долина. Джон, скрываясь в камышах, заметил овал из веток, возвышавшийся над водой.

– Бобровый домик, – предположил Николай.

– Да. Джон, нырнув, оказался внутри свитого из палок жилища. Он просидел там до наступления темноты, прислушиваясь к хлюпающим в воде шагам индейцев.

– Воображаю переживание бобрового семейства, – произнесла Изабель и смутилась. – Впрочем, о чем я.

– До ближайшего форта Джон добрался спустя три недели, заросший и дикий. В те годы еще не умели фотографировать. Но в семье сохранился дагеротип Джона Хайнса.

Глава 8

Олег, внимательно осмотревшись, взял с полки том М. Я. Выготского «Справочник по высшей математике». Высокий потолок читального зала политехнической библиотеки Москвы, широкие столы под толстым зеленым сукном, большие частые окна, шкафы с карточками обширной картотеки вдоль стен, доски стеллажей, прогибающиеся под собраниями книг, – все это создавало атмосферу творческого поиска подчас постоянно ускользающих решений. Немногословные исследователи сидели, замерев в кругах света настольных ламп, иногда поворачивая головы влево и вправо, к стопкам книг, отыскивая значение нужной константы, читая необходимый раздел.

Эра интернета, вступив в права и многое изменив в жизни человека, окончательно не отвратила пытливым разум от складывающегося веками классического подхода к решению теоретических задач, и, хотя всюду на столах лежали планшеты и компьютеры, книга и чистый лист бумаги с карандашом и ручкой для многих сохранили притягательность, облеченную в форму воспоминаний о школе и о студенческой юности.

Олег писал дипломную работу. Тему руководитель диплома, доцент Дерягин, озвучил: «Нецентральное t -распределение Стюдента».

Эта вероятностная задача свелась к решению функции. При заданном значении аргумента или события надо было отыскать значение функции или вероятность свершившегося события, что в данном случае одно и то же. Но функция нецентрального t -распределения Стюдента выглядела неприступной для решения.

Поиски источников, подсказывающих подходы к решению задачи, заняли пару месяцев. И все без результата.

Олег попытался решить задачу используя, компьютерную программу. Процессор, погулив под вентилятором, выдал бесконечный столбец цифр со множеством нулей после запятой. Понять что-либо из этого было сложно.

А однажды произошло нечто необыкновенное. Время уходило, решения не было. Олег неосознанно мобилизовал максимум интеллектуального ресурса. Стало очевидно, что опираться можно только на собственный разум. В работу включились скрытые до поры механизмы нейронных связей. На полную мощь заработало ассоциативное мышление.

В тот необыкновенный ноябрьский полдень небо скрывали низкие серые тучи. За окном мерно гудели потоки расцветенного огнями транспорта, кружащего по Лубянской площади. В читальном зале было тихо, как в церкви после обедни. На зеленом сукне стола лежал лист с не поддающейся решению функцией. Олег в сотый раз внимательно всматривался в ее аргументы и их причудливое нагромождение с корнями и степенями. Нет, было непонятно, как подступиться к этой крепости.

На зеленое сукно стола упал луч солнца, и в это мгновение в сознании Олега всплыла подстановка. Это было сверхъестественное откровение. Спустя пять минут исписанный лист содержал решение. Каждое событие нецентрального t -распределения Стюдента обрело свою вероятность, заключенную в интервале от 0 до 1.

Олег ошеломленно поднял глаза на пыльное высокое окно с массивными столетними деревянными рамами. Казалось, решение пришло из ниоткуда, само собой. Титанические трехмесячные усилия с муками творчества теперь казались сном. А удовольствие от решения задачи оказалось одним из ярчайших впечатлений в жизни, наряду с парашютным прыжком и несколькими влюбленностями.

В длинном темном коридоре учебного института доцент Дерягин, похожий на чуждый всяких эмоций сухарь в коричневом костюме, несколько минут внимательно рассматривал исписанный лист, прежде чем брови его, дрогнув, поползли вверх.

– Да... – доцент, качнув головой, мельком взглянул на Олега. – Это решение. Пишите диплом, и можно выходить на защиту.

Спустя несколько недель в комнате с табличкой на двери «Кафедра теории вероятностей» Олег повесил плакаты и представил решение уравнения нецентрального t -распределения Стьюдента.

Профессор Ротарь, с живым интересом рассмотрев подстановку, изрек:

– Работа достойна публикации. За диплом пять.

Глава 9

Доктор Майер, живя и работая в Гамбурге, один день в две недели читал студентам лекции в университете Франкфурта-на-Майне. Он обладал редким счастливым даром современную генетику, закодированную терминологическим языком ученых до крайней степени запутанности и оттого представляющуюся неприступной цитаделью, преподносить доходчиво для восприятия десятилетнего ребенка, используя две руки, пару собственных глаз и образную речь, которая присуща классикам литературы золотого века, а еще пастухам и рыбакам. Сам доктор, стоя у доски, представлял животные и растительные клетки и процессы, в них происходящие, как зримые действия и излагал их так, что не понять их было невозможно. И у слушателей вырастали крылья от веры в собственные возможности. Крайне сложные задачи, на решение которых уходили десятилетия усилий всей современной генетики, представлялись доктором не сложнее приготовления лукового супа.

Ощущая удовлетворение слушателей, и доктор Майер всякий раз на лекции обретал второе дыхание, вдохновляясь и на изложение новых методов исследования живой клетки, и на неблизкую дорогу от Гамбурга до Франкфурта-на-Майне, которую он преодолевал то поездом, то самолетом.

Франкфурт с центром из высоких зданий из стекла и стали, вмещающих финансовые мозг и сердце Германии, пленил доктора на удивление гармоничным сочетанием немецкого консерватизма в характере и укладе жизни и в архитектуре с бешеным прогрессом современности. Днем после лекции доктор Майер обедал в центре гудящего города под вальмовыми сводами дома пятнадцатого столетия, любясь в окне видами ультрасовременного Франкфурта со сверкающими на солнце небоскребами, обвитыми эстакадами скоростных трас, и окружающими их черепичными крышами зданий эпохи пламенеющей готики и реформации. На широком блюде красовались дымящаяся толстая, румяная свиная отбивная, укрытая листом салата, и две печеные картофелины с веточкой укропа. В литровом бокале пенилось янтарное пиво. Ресторан глухо шумел, подобно муравейнику, укрытому под вечнозелеными ветвями столетней ели на прогреваемой полуденным солнцем лесной опушке. Все вокруг дышало сытостью и довольством. Биение экономического сердца Германии ощущалось здесь как мерные удары старинных часов, украшавших неоштукатуренную кирпичную стену ресторана.

Доктор Майер, имея серьезную нагрузку, следил за своей физической формой, и портывый Гамбург с многоводной Эльбой, впадающей в Северное море, предоставлял ему идеальные возможности сочетать приятное с полезным, используя велосипед, каяк и собственный парусник с каютой, нередко служившей ночным пристанищем. Гамбург, разделенный Эльбой на уставленный морскими контейнерами, кажущийся бесконечным порт на юге и противостоящий ему на севере старый центр с нагромождением монументальных кирпичных зданий, с церковными колокольнями над ними и укрытыми зеленью кварталами частных домов, похожих на сказочные королевства, представлялся доктору Майеру открытой книгой, восприятием которой он не мог пресытиться. Его лаборатория являла собой спрута, мгновенно впитывающего все самое передовое со всех континентов, и по своим аналитическим возможностям она стояла в первом ряду себе подобных.

Генетика увлекла доктора Майера страстно, пробудив в натуре педантичного исследователя восторженного поэта, романтика. Чем более постигал доктор Майер происходящее в живой клетке, в ее ядре, во взаимодействии клеток, передающих и реагирующих на сигналы, тем более его занимал вопрос – а кто или что руководит слаженной работой этого тонко организованного сложнейшего ансамбля. Гениальность творения, именуемого человеческим организмом, его потрясала, служа источником вдохновения. Наконец однажды после долгих размышлений доктор Майер стал склоняться к мысли, что за всем живым стоит нечто сверхъ-

естественное, абсолютный разум, воплощенное в реальность совершенство, вечно ускользающее от человеческого сознания. А жизнь с организмами, сформированными из миллиардов согласованно взаимодействующих клеток, – это его реализация. В статьях о своем умозаключении доктор не писал, но чем далее, тем более утверждался в своем предположении.

Чтение лекций доктор Майер воспринимал выходом на театральную сцену. Созерцание десятков пар обращенных на него очаровательных влажных девичьих глаз с вопросительными полуулыбками опьяняло его, как хорошее вино. Доктор Майер ценил интеллект, присущий многим студентам, как поцелуй Творца, а метод преподавания его был такой.

– В природе все слишком сложно и далеко не все понятно, чтобы излагать законы природы на диалекте ученых, чаще всего плохо понимающих друг друга, – тут доктор Майер смотрел в глаза студенток, а они преобладали если и не на курсе, то на лекции точно. – Так что мы с вами пойдем от простого к сложному.

Аудитория, удовлетворенно вздыхая, с одобрительными кивками шуршала стержнями ручек о разлинованные листы тетрадей.

Доктор Майер ставил на стол модель ДНК человека, представляющую собой спираль полметра в диаметре, два метра в высоту, собранную из разноцветных шариков, отображающих атомы углерода, кислорода, водорода, азота и фосфора.

– Прежде всего увидим, представим объемно и запомним нуклеиновые кислоты, макромолекулы, отстраивающие ДНК и РНК.

На плазме экрана появлялись изображения: аденина (А), гуанина (G), тимина (Т) и цитидина (С) и дополняющего их урацила (U).

– Это пять азотистых оснований, парами из А-Т и С-G внутренними перемычками соединяющие спираль ДНК. При этом две внешние ленты этой спирали отстраиваются молекулами, образованными атомами фосфора, кислорода, водорода и углерода. Молекулы этих двух внешних лент называют фосфатными группами.

Отобразив сказанное в тетрадах, подведя черту, студентки устремляли взоры на доктора, и сложно сказать, что более их увлекало – генетика или очарованный ею мужчина.

Доктор Майер носил длинные волосы, опускавшиеся на атлетичные плечи светлой густой волной. Ясные синие глаза одухотворяли совершенные черты лица архаичного типа эпохи Каролингов. Доктор Майер казался сошедшим со стен романского собора изваянным в камне героем, необыкновенным образом, однажды ожившим под ласковым солнцем благословенной Европы. Его никто и никогда не видел одного. Всюду он представал невозмутимым центром и интеллектуальным столпом улыбающегося круга очаровательных учениц.

– Итак, – доктор мягким проницательным взглядом добивался тишины, а возня и хихиканье в аудитории замирали, – две цепи ДНК, внешние ленты из сахара-фосфатного остова, закручиваясь в противоположных направлениях, образуют спираль с единой осью.

С ближайшей к кафедре парты падала сумка, и доктор Майер встречался взором с карими глазами Анны, изображавшими испуг и смущение. Спустя мгновение привлечение к себе внимание карие глаза на лишенном слов древнейшем человеческом языке общения источали неизъяснимую любовь.

Девичья красота освящена романтикой юности, а созерцание расцветающей женственности на взрослого мужчину производит ошеломляющее впечатление.

Потрясенный лектор, утратив нить повествования, с минуту молча смотрел в окно, думая: наука, творчество и юные нимфы – несовместимые стихии, девушки как вино, под их магией ты веселый, пустоголовый, безвольный дурак.

– Однако продолжим, – в аудитории скрипели стержни. – Внутри спираль соединяется перемычками двух типов: А-Т – аденин-тимин и G-C – гуанин-цитизин.

– По десять пар перемычек на виток спирали, – произносила Анна, взмахнув длинными ресницами.

– Зачет досрочно, – улыбался лектор, обращая взор на студентку. – Перемычки из А-Т и G-C прикрепляются к лентам спирали атомами азота – N, и поэтому А-Т и G-C, а это сложные молекулы, называют азотистыми основаниями.

Анна не мигая вопросительно смотрела на лектора, словно кондуктор в трамвае, а он произносил: «Подойдете ко мне с зачеткой».

– Чем отличаются ДНК, – доктор Майер поднимал глаза на дальние ряды аудитории, где зоры главным образом были устремлены на экраны разнообразных средств связи.

– Изменчивость ДНК обусловлена вариабельностью последовательностей азотистых оснований А-Т и G-C, – Анна, склонив очаровательную голову набок, едва заметно пожимала плечами.

– Верно. Все дело в сочетании А-Т и G-C и в их частоте. Теперь далее. Для чего природа создавала в ядре живой клетки эти молекулярные спирали?

– Для репликации, – говоря, Анна подняла изящно очерченную белоснежную правую руку. – При каждом делении клетки обе дочерние клетки получают собственные цепи ДНК, собираемые со скоростью тысяча нуклеотидов в секунду.

– Верно. Еще немного, и экзамен досрочно, – доктор Майер мля руками измазанную мелом губку. – А что же далее?

Скоро доктор Майер осознал, что взгляд его в аудитории всякий раз обращается к демонстрирующей интерес к лекции склоненной набок голове Анны и к ее открытым запястьям. Бровь лектора приподнималась, выказывая заинтересованность в диалоге со студенткой. Глаза собеседников улыбались. Скоро оба осознали, что невольно подражают жестам и позам друг друга.

– Информация передается от генов белкам, – Анна вопросительно смотрела с лукавой робостью.

– Какие известны основные типы мутаций? – доктор Майер поднял глаза к окну, на сверкающие стеклом и сталью на солнце небоскребы и окружающие их купеческие фахверковые дома с черепичными крышами эпохи расцвета Ганзейского союза.

– Замена одного азотистого основания другим, потеря одного или нескольких оснований и вставка оснований.

– Что может стать причиной мутаций?

Анна переглянулась с соседкой, а та указала пальцем на абзац в учебнике.

– Ультрафиолетовое облучение, окисление, гидролиз, алкилирование, метилирование.

– Да, – доктор потер белые от мела ладони, – теперь о межклеточной коммуникации.

Анна скосила глаза на соседку, и она, листнув учебник, тонким пальцем указала абзац. Анна, кивнув для храбрости, произнесла:

– Нервная клетка, нейрон, передает электрический импульс через свой длинный отросток, аксон. А аксон, создав сигнальную молекулу, через соединение-синопсис передает ее клетке-мишени. Но клетки у человека разные, около двухсот типов, – на мгновение Анна запнулась, склоняя голову к шепчущей соседке. – И клетки взаимодействуют, используя внеклеточные сигнальные белки. И работают снаружи клетки поверхностные мембранные рецепторы. А внутри клетки действуют свои рецепторы. Эта химическая реакция называется сигнальным каскадом.

– Экзамен зачтен.

Со звонком двери аудитории отворялись, и доктор Майер в окружении десятка девиц, раскланиваясь со знакомыми, шел в университетский буфет, где общение носило неформальный характер, со взрывами счастливого смеха и громкой речью, сдобренной бесконечным многообразием мимики и жестов очаровательных лиц.

Глава 10

Остров Рубондо расположен в юго-западной части озера Виктория, относительно недалеко от озера Танганьика. Возникла идея посмотреть на ближайших родственников современного человека, на шимпанзе, в естественных условиях обитания.

– Это скрытые джунглями горы над побережьем Танганьики. Там сохранилось несколько сотен шимпанзе, – объяснял Бонами, отчего-то опуская длинные руки ниже колен. – А на озере Танганьика сотни километров песчаных пляжей. Там есть где расположиться.

Конференция в городке Мусома еще продолжалась. Наши герои быстро пресытились докладами, изобилующими никому, кроме докладчика, не понятными псевдочужеными пассажами, и решили использовать время для путешествий по Танзании.

В самом деле, узкая полоса песчаного побережья озера Танганьика оказалась идеальным местом для ночевки.

Николай, и это скоро осознали его спутницы, был гением чувственных наслаждений в абсолютной аскезе. При этом он мастерски распределял минимальные ресурсы с максимальной отдачей, не совершая ни одного лишнего движения. Первое, что всюду в походе делал Николай, – разводил огонь от одной спички и тут же устраивался возле него, словно невозмутимый сытый кот в теплой хозяйской постели. Мелиса и Изабель, сведя бытовой обиход к минимуму, неосознанно льнули к нему, словно котятка к кошке, восхищаясь простотой решений.

На вечерней заре у большой воды, под сенью девственного леса, умиротворяющая тишина представляется великой симфонией мироздания. Это мелодия вечности, всякий раз волшебным образом возрождающей жизнь из небытия. Природа словно говорит способным услышать ее людям: однажды я создам вас вновь.

Поднявшись, Николай размялся и с видимым наслаждением погрузился в покрытые легкой рябью воды озера. Мелиса и Изабель последовали за ним.

Регулярное плавание, укрепляя мышечный каркас, дарит человеку удовольствие от ощущения силы гибкого упругого тела. Скоро Николай обучил очаровательных спутниц тонкостям баттерфляя и кроля на спине, и втроем они походили на стаю дельфинов.

Перед распахнутым входом в большую палатку на ветру трепетало оранжевое пламя.

– Такого умиротворения, как у большой воды, у костра, под розовыми облаками вечерней зари, не испытаешь нигде и никогда, – Изабель тянула тонкие влажные ладони к огню. – Растворяясь в совершенной красоте, ощущаешь себя младенцем в колыбели у пылающего камина в отчем доме.

– Это похоже на встречу вождей команчей и апачей перед охотой на бизонов, – шутила Мелиса, улыбаясь глазами счастливого ребенка. – Не хватает трубок. Зато наша палатка напоминает индейское типи.

– А удастся нам отыскать шимпанзе в джунглях, на склонах гор? – с тревогой спросила Изабель. – Я вижу непроницаемую зеленую стену. Как мы проникнем внутрь?

– В лес мы проберемся руслом ручья, – Бонами взглянул на обувь спутников. – Для устойчивости в руки возьмем палки.

С рассветом маленький отряд выступил под влажную душную сень тропического леса.

Самку шимпанзе с детенышем увидели в гнезде из веток, высоко в кроне громадного дерева. Пока все, затаив дыхание, задрал головы, любовались зрелищем, безмолвной тенью из ниоткуда явился большой самец шимпанзе. Необыкновенно пронизательными карими глазами он внимательно посмотрел на гостей. Мгновение это казалось вечностью. Самец, показав клыки, а это было подобием улыбки, исчез так же внезапно, как появился.

Вечером у костра Мелиса произнесла:

– Поздравляю. Сегодня мы совершили путешествие на шесть миллионов лет назад.

– Думаешь, самец увидел в нас ближайших сородичей? – улыбнулся Николай, вспоминая его клыки. – Теперь я понимаю, насколько он был дружелюбен.

– Мы и его семейство в этих горных джунглях над водами пленительного озера явили нашего общего предка. И пусть на одно мгновение мы ощутили себя единой общиной, – Мелиса подбросила хворост в огонь.

– Скорее семьей, – дополнила Изабель. – Ведь он нам улыбнулся.

– Великолепное начало, – обобщил Николай.

– Начало чего? – брови Мелисы приподнялись.

Николай открыл конверт, достал из него лист и протянул Мелисе. По мере прочтения выражение ее лица менялось с настороженного на восторженное. Бонами, освещая текст, держал горящую головню. Организаторы конференции, представляющие международный фонд изучения и защиты дикой природы, предлагали создать рабочую группу, призванную в течение года посетить те места на планете, где последние сто тысяч лет в результате мутаций ДНК рождались гаплогруппы Y-хромосомы, представляющие ныне живущие народы планеты. Итогом экспедиции должен был явиться отчет с изучением взаимосвязей рождения новых видов *Homo Sapiens* и природных явлений и условий, влияющих на их возникновение в конкретном месте в конкретное время. А вывод отчета должен был дать прогноз того, где, как и когда существующее ныне древо Y-хромосомы может породить новые ветви вида *Homo Sapiens*. Отдельными листами были приложены смета проекта и три контракта на имена Мелисы, Изабель и Николая.

– Это Африка, Евразия и Америка в один год, с проездом, проживанием и содержанием, – Мелиса закрыла лицо ладонями, качая головой. – А почему именно мы?

– Виной тому наши доклады, – предположила Изабель. – А мы о них уже забыли.

– Фонд запрашивает план наших действий, – сказал Николай. – Полагаю, первой мы объедем Африку, а точнее, посетим народы – носители корневых гаплогрупп Y-хромосомы А и В. А – это бушмены и готтентоты. В – это пигмеи.

– Древнейший койсанский язык, на котором говорят бушмены и готтентоты, сохранил народ хадзаба, живущий вокруг озера Мадьяра здесь, в центре Танзании, – Мелиса не могла скрыть восторга, и ее синие глаза счастливого ребенка сияли. – До них можно добраться за день на автомобиле. И мы узнаем генетику хадзаба. Ведь предки бушменов и готтентотов двести, сто тысяч лет назад, в эпоху Адама и Евы, едва ли жили в пустыне Калахари. А жить они могли в саваннах вокруг озер великого разлома под сенью снежной вершины Килиманджаро. Впоследствии их могли вытеснить на юг, в пустыню. А хадзаба с койсанским языком, выстояв, может являться островком эдема библейских Адама и Евы в Танзании.

– Возможно, – согласился Николай. – Тогда подписываем контракты, указываем номера наших счетов – и в дорогу. А конверт в фонд отправим с ближайшей почтовой станции.

– Надеюсь, ни черноногие, ни команчи на ней на нас засады не устроят, – улыбнулась Изабель.

До земель народа хадзаба добирались сутки. К деревне шли пешком, так как подъезда к ней не было. Над зелеными зарослями густого буша поднимались головы жирафов.

– Когда рядом жирафы, спокойнее, – объяснял Бонами. – С высоты своего роста они первыми замечают хищников.

Десяток молодых мужчин в набедренных повязках сидел на земле, в тени акаций. Старшему не было тридцати лет. Он ладонями тер тонкую палочку, концом вставленную в углубление в небольшом полене.

– Добывая огонь, – переводил Бонами речь хадзаба, – надо твердое дерево тереть о мягкое, и возникает искра.

Мелиса, Изабель и Николай, впервые услышав речь на койсанском языке, были поражены ее необычным звучанием. Произнося слова, хадзаба пощелкивал языком.

– Так необычно, – восхитилась Изабель. – Они похожи на взрослых детей.

– У хадзаба нет календаря, и они живут в каменном веке охотой и собирательством, – рассказывал Бонами.

На огне хадзаба жарили мясо добытого накануне павиана. Наевшись, они набили глиняную трубку какой-то травой, пустили ее по кругу, вдыхая дым и отчаянно кашляя, и скоро погрузились в умиротворенное состояние.

– Хадзаба похожи на бушменов, а отдаленно на монголоидов, – рассуждала Мелиса, пытаясь повторять слова койсанского языка, пощелкивая языком, будто играя с младенцем. – Они абсолютно дикие.

– Сущие дети, – соглашалась Изабель. – Я ощущаю себя в палеолите, ни малейшего намека на современность.

За разговором Николай взял анализы ДНК у десяти представителей хадзаба, руководствуясь тем убеждением, что чем больше выборка, тем убедительнее результат. Палочки с ватой и слюной спрятали в контейнеры.

– Нас приглашают на охоту, – объявил Бонами.

– Надеюсь, сегодня павианы не попадутся, – шептала Мелиса, натягивая тетиву врученного ей лука. – Я бы предпочла копье. На него удобно опираться.

В густом буше хадзаба крались абсолютно бесшумно, уподобившись бестелесным духам. При этом они без промаха стреляли из луков длинными стрелами во все, что движется.

Из земли откопали дикий картофель и тут же его съели. Он был влажный и вкусный.

Сухую траву, свив в жгут, подожгли, окуривая диких пчел. Из дупла дерева хадзаба осторожно достали полные меда соты.

Солнце клонилось к закату.

Мелиса, Изабель и Николай, растворившись в реалиях каменного века и освоив десяток основных слов щелкающего койсанского языка, из одежды оставили на себе минимум, жестами и походкой уподобившись гостеприимным хозяевам.

На закате солнца наступила кульминация. В общине хадзаба произошла свадьба. Юноша подошел к группе девушек и самую красивую, взяв за руку, отвел в сторону. Избранница, нежно обняв, поцеловала жениха. Хадзаба, хлопая в ладоши, затанули древний ритмичный напев. Молодые были необыкновенно хороши. Их стройные силуэты высились над зеленой порослью буша на фоне большого оранжевого диска солнца, медленно погружающегося за линию горизонта.

– Адам и Ева, – обобщила Изабель, и все кивнули с улыбками на счастливых лицах.

– Мы повернули время вспять, – рассуждая, Мелиса выражением глаз уподоблялась подростку. – Вернувшись на двести тысяч лет назад.

– Адам и Ева в африканской саванне, говорящие на щелкающем языке носителей корневой Y-хромосомы, именуемой А, – разведя в стороны руки, Изабель удивленно осматрелась. – И все это планета хранила двести тысяч лет через эпидемии, войны, наступления ледников и взрывы вулканов, для чего?

– Для того чтобы однажды мы увидели всю картину, вместив двести тысяч лет эволюции в один год, – Мелиса склонила голову. – И поняли, что все человечество – это единый выводок с общими предками.

– Может, это показано нам, для того чтобы мы, если не научились друг с другом мириться, хотя бы попытались ужиться на нашей небольшой планете, – Изабель пожала плечами.

– Я подумал вот о чем, – Николай говорил с несвойственной для него серьезностью. – У нас достаточно информации, чтобы вместить двести тысяч лет эволюции современного человечества в один год нашей жизни. А не придется ли нам за год пережить то, что все поколения людского древа пережили за двести тысяч лет?

Вопрос повис в воздухе. Изабель и Мелиса переглянулись, и в их взглядах мелькнула тревога. Но то было лишь мгновение.

Тем временем юные Адам и Ева уединились в свитой из соломы, подобно птичьему гнезду, хижине, и счастливее их не было людей на планете.

Народы, говорящие на койсанских языках, не просто десятки тысяч лет жили изолированно от внешнего мира, но отдельные общины их жили изолированно друг от друга по тридцать тысяч лет. И в лагере хадзаба было ощущение реальности первозданного мира, без рас, еще не успевших родиться, без войн, без грядущей истории с расцветами и закатами цивилизаций.

В тот день в Калифорнии в здании из стекла и металла пытливые умы потомков Адама и Евы, завершив создание лаборатории с тысячами фотообъективов, направленных на сидящего в центре комнаты человека, занялись его подключением к искусственному интеллекту, то есть к процессору, хранящему информацию об отснятом в 3D с величайшим разрешением человеке. Свое порождение инженеры называли цифровым человеком.

Одновременно в одной из европейских столиц на пути следования готовящегося марафона с десятками тысяч участников инженеры укладывали плитки, при наступлении на которые человек генерировал электрическую энергию.

Мелиса, Николай и Изабель укрылись на ночь под сенью пальмовых ветвей, в хижине из плетня, обмазанного глиной. И если Николай той ночью уподобился Адаму, то Мелиса и Изабель ощущали себя Евами. Всем троим под утро снился один сон. Они осознали, что человечество по большому счету, чувствуя, что прогресс для него подчас оказывается регрессом, не знает, как себя вести. Маниакально переделывая планету, человек оказывается и заложником разнообразных систем, превращаясь в слепые орудия чужой воли, и заложником машин, а прежде всего процессоров, которые в итоге вытесняют человека, приводя к его интеллектуальной и физической деградации. Потомки Адама и Евы, словно незадачливый простак, полый плаща намотавшийся на стремительно вращающийся вал, уже летят, теряя рассудок, вслед за железной штангой им же построенной и запущенной цивилизационной машины.

На восходе солнца Мелиса прошептала Николаю в настороженное ухо, прислушиваясь к рыку бродивших неподалеку львов:

– Я поняла, зачем планета сохранила деревню Адама и Евы.

Николай взглянул в утомленные впечатлениями сонные синие глаза неописуемой красоты вопрошающей.

– Пока живо все древо, от основания до корня, живо все человечество. Мы едины и всегда можем вернуться к истоку.

Глава 11

Планета источала энергию. Ее бурлящее ядро расплавленного металла потоками электричества формировало мощное внешнее магнитное поле, и радиоактивный солнечный ветер огибал планету, уносясь далее в пространство, не разрушая тонкий слой атмосферы. Полюса скрывали дышащие стужей ледяные шапки, и зелень растений мертвела от их обжигающего дыхания. С вершин растущих Альп и Гималаев в долины, потрескивая, сползали белые языки ледников, полируя скалы замороженным в лед щебнем.

Закутанные в звериные шкуры неандертальцы грелись у огня под сводами пещер Евразии, от Пиренеев на западе до Алтая на востоке. До Рождества Христова оставалось около двухсот тысяч лет.

Африка благоденствовала, открывая для ожидающего рождения человечества его первое окно возможностей. В болотах Макгадикгади-Окаванго господствовали птицы. На востоке обласканного солнцем континента ревел украшенный радугой водопад Виктория. К югу расстилалась равнина современной пустыни Калахари, представлявшая собой цветущую саванну с неспешно бредущими стадами слонов и носорогов, окруженными миллионами мирно пасущихся зебр и антилоп.

В круглой хижине, крытой камышом, со стенами из обмазанных глиной прутьев, в рукотворном гнезде, для создания которого планете потребовалось четыре с половиной миллиарда лет эволюции, с восходом солнца царило оживление. Юная мать ожидала первенца. В полдень начались схватки.

Хижина стояла на острове среди обширных, заросших травой заболоченных озер, и не любившим плавать хищникам добраться до нее было непросто. Основная угроза исходила от крокодилов. Пища всюду вокруг была в изобилии. В воде, блестя на солнце чешуей, плескалась рыба. С ветвей деревьев свисали спелые сочные плоды. Со склонов расположенных на юго-востоке Драконовых гор дул нежный влажный ветер.

Мать пронзительно закричала. Раздался детский писк и плач.

– Какой удивительный ребенок, – шептали немногочисленные обитатели болот Макгадикгади-Окаванго, склонившись над голой девочкой, лежащей на белой козьей шкуре. – Видно, боги отблагодарили нас за прошлогоднее жертвоприношение, совершенное в Мапунгубве на реке Лимпопо, у подножия гор Магата, и услышали наши молитвы.

– Нет, – возражал глава общины, по совместительству шаман, и по углам его больших умных глаз проступали паутинки тонких складок. – Когда от дождей из берегов вышла река Оква, духи послали мне видение. Во сне я увидел антилопу, окруженную многочисленным потомством. Антилопы паслись на острове, омываемом бурными потоками Оквы, и львицы, скрываясь в траве, не спускали глаз с добычи, но добраться до нее мешали крокодилы.

Девочка открыла глаза, и хижину осветили два ярких огня. Все вокруг, ахнув, закрыли разинутые рты ладонями. Ошеломленный шаман, отрешенно опустившись на земляной пол, погрузился в молчаливое раздумье. Наконец в абсолютной тишине он произнес:

– Теперь все будет иначе. Потомкам нашего ребенка будет принадлежать весь мир.

– Что в ней особенного? – спросила мать, давая дочери набухшую грудь.

– Она совершенна, как цветущий куст розы, – ответил шаман. – Перед ее красотой устоять невозможно. У нее нет соперниц.

До утра на острове не смолкали барабаны. Община, выстроившись в круг, хлопая в ладоши и приседая, ритмично двигалась вокруг пылающего огня, исторгая щелкающие восклицания. А новорожденная Ева, проснувшись за полночь и насытившись материнским молоком, внимательно рассматривала яркие звезды во входном проеме хижины, будто припоминая что-то давно забытое.

В утренней свежести Еву согревал прибившийся к общине потерявший мать в саванне львеноч. Во сне он поскуливал, судорожно ища сосок матери, и, не находя его, лизал крошечную ножку Евы.

Бонами заглушил мотор, и «Лендровер» остановился у пересохшего песчаного русла реки Окованго. Дальше дороги не было. Мелиса взглянула на Изабель и, едва заметно опуская кончики чувственных губ, произнесла:

– По-моему, счастье находиться здесь многим стоило жизни.

– За удовольствие приходится платить, – отозвалась Изабель, откидывая изящную голову назад. – Но сдаётся мне, что изжариться на солнце мы тут не успеем.

– Отчего же? – Мелиса пожала плечами.

– Мы как раз успели к началу сезона дождей, и нам следует подумать, как укрыться не от солнца, а от потоков воды и молний.

При слове «молния» Николай со сдержанной улыбкой качнул головой, взглянув на Бонами. Африканский Голиаф с загадочной полуулыбкой на устах хранил молчание.

На востоке, в долине реки Замбези, прокатились раскаты грома. Иссушенная солнцем желтая безжизненная пустыня замерла, жаждающая долгожданной влаги. Дующий с океана ветер пригнал синие тучи. О раскаленный песок ударили большие капли дождя. Сухое русло Окованги одухотворил ручей, на глазах изумленных происходящим зрителей в считанные часы превратившийся в полноводную реку. Словно из ниоткуда, на ее берега подошли стада антилоп и зебр. Из воды показались разевающие громадные пасти бегемоты. Вокруг них вились зловещие гребни крокодилов. Наконец раздался трубный рев слонов, и животные расступились перед исполинами, уступая место у воды.

Образы Мелисы и Изабель дополняли друг друга, как поэтичные вяз и липа на берегу пруда в заросшем парке, создавая вокруг Николая ауру тепла и света, проникнутую такой красотой и обаянием, что, однажды согревшись в ее лучах, он не мог себя представить вне этого незримого поля все покоряющей женственности. А Мелиса и Изабель, несколько раз обнявшись с Николаем, ощутили себя крыльями парящей в восходящем потоке большой птицы, для которой на планете нет преград. Втроем они составили единый организм, идеально собранный провидением для планетарного путешествия.

На следующее утро долина Окованги из раскаленной желтой пустыни превратилась в цветущий эдем с морем бурно растущей зелени.

Наши герои расположились в деревне бушменов, представляющей собой десяток свитых из веток обмазанных глиной хижин, крытых камышом. Бушмены с монголоидными чертами миниатюрных лиц, едва дорастая до плеч Мелисы и Изабель, казались им взрослыми детьми с преждевременными морщинами на простодушных лицах, героями африканских сказок. Бушмены радушно угощали гостей жареной саранчой, жестами и мимикой уверяя, что вкуснее на свете ничего нет.

Изабель, сверяясь с компасом, чиркая карандашом в блокноте, уясняла розу ветров в долине Окованги и частоту ударов молнии. Мелиса внимательно рассматривала обитателей пустыни Калахари, пытаясь проникнуть в их сознание и собственным восприятием реальности перенестись на двести тысяч лет назад, в эпоху рождения митохондриальной Евы и Y-хромосомного Адама.

На закате солнца Мелиса и Николай объясняли Изабель и Бонами и собравшейся вокруг очага общины бушменов некоторые тонкости популяционной генетики.

– При слиянии яйцеклетки и сперматозоида плод получает в ядре клетки гены от отца и от матери в равной мере, при этом Y-хромосома передается только от отца сыну, – рассказывая, Мелиса рисовала палочкой на песке клетку человека с ядром, полным генов, и с мито-

хондрией сбоку от ядра. – А митохондриальная ДНК, ее генетика, передается и мальчику, и девочке при зачатии только по материнской линии.

Изабель, помогая себе неуловимыми движениями рук, воспринятое с обворожительной улыбкой изложила по-своему.

– Любовь дарит тепло, ласку и энергию, рожденную высоким чувством. И спирали ДНК, мутируя, подстраивают клетки под то, что быстрее обретает любовь с ее теплом, лаской и духовно-подъемной энергией.

– Пожалуй, – согласился Николай. – Можно сказать и так.

– Очень точное определение, – кивнула головой Мелиса. – Однако самое время обобщить данные начала нашей экспедиции.

Канадка открыла на коленях большую шитую стальной спиралью тетрадь в клетку, окинула собравшихся у огня внимательным взглядом, подняла глаза на расцвеченные звездами небеса и принялась писать, вслух озвучивая содержание.

– Примем как рабочую гипотезу то, что Ева и ее гаплогруппа LO митохондриальной ДНК около двухсот тысяч лет назад родилась среди болот Макгадикгади-Окаванго.

– Максимальный уровень разнообразия митохондриальной ДНК гаплогруппы LO, – дополнил Николай, заглядывая в тетрадь Мелисы, – представлен в Танзании, у озер Виктория, Танганьика и Ньяса, и на севере Замбии, и в Мозамбике.

– И древние геномы африканцев, носителей шелкающих койсанских языков, ограничены Lod и Lok митохондриальной ДНК, – поклонница Шекспира и его эпохи Мелиса писала на старинный манер, с росчерками и завитками, и ее текст был произведением искусства.

Изабель, подняв тонкие руки, склонила голову набок и произнесла с некоторой патетикой:

– Ева. Наша общая прапраматерь и ее наследие в виде гаплогруппы LO митохондриальной ДНК успешно воспользовались окном возможностей, около двухсот тысяч лет назад открывшимся на просторах Африки, от склонов вулкана Килиманджаро на севере в Танзании до берегов Окаванго в Намибии и Ботсване на юге.

– Точнее не скажешь, – в глазах Мелисы отобразилось сомнение. – У нашей Евы были родители.

– Конечно, – согласился Бонами, любясь письмом Мелисы и источающими свет глазами Изабель.

– Думаю, нечто необычное произошло именно с ними, – Изабель помолчала, – и это...

– Взаимная любовь, – тихо произнесла Мелиса, – похожая на разряд молнии.

– Да, это то, о чем можно лишь мечтать. И гены их дочери мутировали, – Изабель пристально рассматривала девочек бушменов, словно отгадывая скрытые в их круглых лицах смыслы, и, наконец обведя их рукой, она произнесла: – Все они юные Евы, а одна из них – ее физическая и духовная реинкарнация.

Бушмены поняли ход мыслей и рассуждений француженки, и вождь, подняв ладонь, попросил подождать.

Скоро он вернулся в круг света пылающего костра, держа на руках белую козью шкуру, в которой лежала новорожденная девочка.

– Это она, – вождь с улыбкой кивал маленькой головой, – современная Ева.

– Отчего же? – спросила Мелиса, отложив тетрадь и принимая на руки козью шкуру с ребенком. – Мы же не видели оригинал.

– Ее родители любили друг друга без памяти. Но жениться не могли, у жениха не было ничего, кроме лука со стрелами и набедренной повязки, и он жил в дупле большого дерева, деля его с леопардами.

– Эти условия максимально приближены к эпохе рождения нашей общей прама- тери, – заметила впечатлительная Изабель, сдерживая волнение. – Подобное возможно лишь в Африке.

– Девушка плакала ежедневно, но родители были неумолимы и поставили охранять ее двух свирепых псов. Но одной ненастной ночью ее избранник накормил псов мясом добы- той на охоте газели так, что псы уснули, едва дыша. Разобрав соломенную кровлю хижины, юноша похитил девушку. Их искали неделю. Все напрасно. Кто-то утверждал, что возлюблен- ные ездят по бушу верхом на буйволах. Кто-то рассказывал, что им покровительствует стадо слонов, оставляя следы на следах беглецов.

Ошеломляюще громкий львиный рык заставил людей, умолкнув, содрогнуться. Каза- лось, царственная кошка находится на расстоянии прыжка, и в ночном буше людям стал мере- щиться свет желтых хищных глаз. Блестели белки глаз Бонами, источая человеческий трепет перед дикой природой.

Скоро все успокоилось. Был слышен лишь треск горящих прутьев в очаге. Вождь про- должил рассказ:

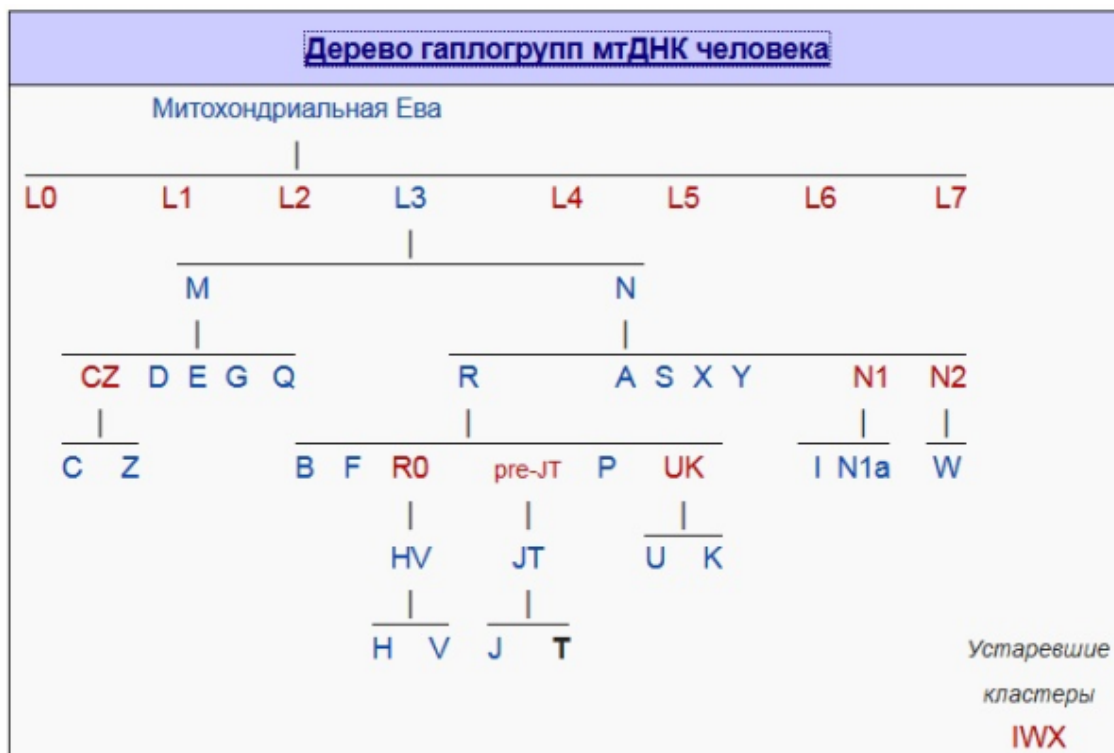
– Минул год, и однажды на охоте мы выследили самку леопарда, польстившись на ее шкуру. Большая кошка жила между ветвями громадного дерева. В ее гнезде среди котят мы увидели человеческое дитя. Это была наша Ева.

Анализ митохондриальной ДНК новорожденной Евы отправили в Германию в лаборато- рию доктора Майера. Скоро был получен ответ.

– Я не сомневалась, – воскликнула Мелиса, и веснушки на ее щеках скрыла алая краска. – У нашей красавицы, воспитанной самкой леопарда, гаплогруппа L0 в ее первозданном виде.

– Новое рождение митохондриальной Евы, – в тоне Николая было некоторое сомнение. – Неужели совпало полностью?

– Доктор Майер утверждает, – Мелиса подняла ладони к счастливому лицу, – да, а я вижу, что мы переместились на двести тысяч лет назад. Однако теперь мы должны отыскать современного Адама.

Глава 12

Рассматривая в иллюминаторе самолета экваториальные джунгли Африки, Изабель спросила:

– Верно ли я поняла, что, по последним данным доктора Майера, все обнаруженные носители мужской гаплогруппы АОО живут в западном Камеруне, в племенах нконгхо-мбо и бангва?

– Немцы редко ошибаются, – отозвалась Мелиса, глазами источая благоразумие. – Недаром их ставят во главе проектов, научную рутину которых из-за экономии средств выполняют индусы и славяне.

Мелиса, взглянув на Николая, добавила:

– В нашем случае роль индусов возложена на меня и на Изабель.

– Видимо, на этот раз организаторы проекта не поскупились, впрочем, – Изабель задумалась, на мгновение замолчав. – Вопросы поставлены очень сложные, и, полагаю, многое зависит от результатов.

Николай, потирая щеку, серьезно заметил:

– На этот год мы буквально зависли между небом и землей и, неизвестно где, как и когда, приземлившись, мы вернемся к обычной жизни.

– И, – Мелиса насторожилась, смущенная тоном Николая.

– Важно, чтобы инвесторы и их кураторы не сочли, что мы узнали слишком много. А поняли еще больше.

Мелиса и Изабель переглянулись. Кончики их нежных, изящно очерченных чувственных губ дрогнули.

– Так, может быть, нам не все писать, – предложила Изабель, – для нашего мира, в котором всем правят деньги.

– Полагаю, что уровень контроля за нами таков, что и самая великая драматургия не в силах представить подобное, – при этом Николай взглянул на лежавшие на его коленях ноутбук и смартфон.

– Тогда можно полагаться лишь на собственную интуицию, – обобщила Мелиса, ощущая, что начала скучать по Британской Колумбии и гнезду громовой птицы.

Внизу сквозь голубую дымку проступили изумрудные воды Гвинейского залива с белыми барашками волн. Стали видны обширные эстуарии – расширяющиеся русла впадающих в океан рек. Сотни километров побережья скрывали густые мангровые заросли. Самолет огибал громадный конус вулкана Камерун, возносящий дымящееся жерло над побережьем на четыре километра.

– Склоны вулкана – самое влажное место на планете, – Изабель удивленно качала головой, словно не веря собственным глазам. – Пожалуй, японский синтоизм с его обожествлением природы мне ближе всего. Я растрогана совершенством этой красоты до слез.

В аэропорту столицы Камеруна Дуале наших героев ожидал арендованный «Лендровер». За руль сел Бонами. Николай, держа в руках карту, объяснил:

– Нам предстоит проследовать на север две сотни километров, в сердце гор Адамава, и там мы поищем современную реинкарнацию Адама.

– Поиски Адама в горах Адамава, – Мелиса улыбнулась, скрывая усталость. – Полагаю, мы взяли верный след.

Бонами мрачно ухмыльнулся, и Изабель, видя выражение его лица в зеркале заднего вида, заметила:

– Видимо, мы не все знаем.

– В Камеруне уже несколько лет идет война, а в ряде провинций царит хаос, – Бонами помолчал, давая возможность спутникам осознать серьезность происходящего. – Власти делят природные ресурсы, а ими Камерун богат, и племена отчаянно дерутся из-за масленичных пальмовых рощ и промышляют похищением людей и работорговлей.

– Блестящая аттестация и исчерпывающее объяснение, – Николай внимательно смотрел на Бонами, пытаясь уяснить степень опасности. – При звуках стрельбы останавливаемся.

– Хорошо, – согласился Бонами. – Полагаю, о местах боевых действий нас уведомят власти, а вот племена с их работорговлей... тут предугадать что-либо сложно.

Дорога следовала через экваториальный лес, под плотной сенью громадных эвкалиптов, фикусов и хлебных деревьев. Навстречу, к портовым причалам, натужно пытаясь, двигались грузовики, груженные железным деревом азобе и тремя видами красного дерева: акажу, сипо и сапеля. Сокровища экваториальной Африки текли в порты Атлантики непрерывными потоками.

Из джунглей к дороге выходили винторогие антилопы, слоны и бегемоты. Из непроходимой зеленой чащи доносились крики горилл.

Дорога, поднявшись склонами гор Адамава, привела на плоскогорье, занятое саванной. Тут безмятежно бродили стада буйволов, за ними следовали жирафы и носороги. От полуденного солнца укрывшись под сенью деревьев в ожидании ночной охоты, нежились львиные прайды и леопарды.

Наконец показались люди племени нконгхо-мбо, пасущие крупный рогатый скот. Казалось, на родине Адама царил безмятежный мир. Лишь Бонами постоянно с тревогой в немигающих глазах осматривал окрестности, словно застывшая антилопа, напуганная треском сухой ветви под чьей-то крадущейся лапой.

– Днем тут спокойно, – рассуждал Бонами, – но лучше нам уехать отсюда до наступления темноты.

– Неужели все так серьезно? – спрашивал Николай, укладывая пробирки с анализом ДНК в контейнер. – Внешне тут абсолютная идиллия.

– Надеюсь, обойдется, – Бонами, постукав ногой о покрывающую дорожку, проверил давление в шинах и с загадочной улыбкой добавил: – От хищников в саванне животных спасают чуткие уши и быстрые ноги. А нас в горах Адамава могут спасти только крепкие руки и зоркие глаза.

– Как же здесь красиво, – стонала Изабель, касаясь ладонями груди.

Плато парило над девственным экваториальным лесом, как поднятая из тумана ладонь Творца, однажды поместившего здесь Адама, общего предка всех ныне живущих на планете Земля людей.

– Тут многое сошлось, – забыв про усталость, осматриваясь, рассуждала Мелиса. – И курящийся конус вулкана Камерун на юге, зеленое море лесов, скрывающих полноводные реки, изобилие пищи и сверкающее солнце. Идеальное место для рождения Адама.

– И эти виды, – изнемогая от наслаждения, стонала Изабель. – Все картины Лувра – скромная тень этого великолепия.

– Однако, в самом деле, – едва слышно шептал Николай. – Уж как-то все очень хорошо. В этом экваториальном раю в самом деле растворена до поры незримая опасность. Чем дальше, тем более я ее ощущаю.

Деревня племени нконгхо-мбо представляла собой десяток хижин, укрытых от частых осадков пальмовыми листьями, и походила на сосредоточие птичьих гнезд и звериных лежек. Время тут остановилось полторы сотни тысяч лет назад. Обитатели деревни казались сущими детьми.

– Вот истинные синтоисты, – качала головой Изабель, касаясь уголков глаз платком. – Поклонники сил природы. Весь африканский континент представляется мне лишь широкой ступенью к этому нерукотворному храму жизни.

– Значит, не только взаимная любовь, – Мелиса, говоря, подписывала фломастером контейнер: «Германия, доктору Майеру». – Но и красота места, изобилующего всеми дарами планеты, обусловила мутацию АОО.

– Да, окно возможностей для младенчества современного человечества однажды открылось здесь...

Фраза Изабель повисла в воздухе. В деревню на огромной скорости ворвались два джипа с пулеметами в кузове. Носители генетики Адама в сгущающихся сумерках, прижавшись к земле, расползались в траву, как напуганные большой злой собакой коты. Бонами побледнел, покрывшись испариной.

Абсолютно черный, с мясистыми чертами круглого лица, в громадной фуражке с кокардой, в погонах с отливающими медью громадными звездами персонаж, окинув наших героев взглядом готового к прыжку хищника, подошел к Николаю.

– У вас есть разрешение на посещение гор Адамава? – глаза вопрошающего производили жуткое впечатление. Зрачки были белесые, белки налиты кровью. Мясистые губы тряслись.

У Мелисы и Изабель в груди что-то оборвалось. Николай ощутил, как его ладони покрылись влагой. В следующее мгновение Николай увидел, как на головы Изабель и Мелисы зашедшие сзади незнакомцы надели мешки. Перед собой Николай рассмотрел занесенный над переносицей коричневый приклад знакомого со школьной скамьи автомата Калашникова. Дальнейшее заняло не более пяти секунд. С львиным рыком Николай, уклонившись от удара, носком ботинка ударил толсторожего между ног, вложив в нехитрый прием всю энергию переживаемых эмоций. Автомат оказался в руках Николая.

– Русский с автоматом, – заорал на языке банту долговязый парень в крапчатом берете с кокардой, трясущимися руками заправляя ленту в пулемет.

На мгновение все вокруг замерло. Николай, прицелившись в бензобаки джипов, дал короткие очереди. Древние горы Адамава на вечерней заре осветили два шара гудящего огня.

Бонами повернул ключ зажигания. «Лендровер» плавно тронулся с Николаем на багажнике крыши и с потерявшими сознание Изабель и Мелисой на заднем сиденье.

– Я их узнал, – Бонами говорил отрывисто. – Они из Чада.

– Надеюсь, туда и отправятся, только теперь пешком, – Николай пересел в кабину и, отстегнув рожок, считал патроны. – А я из России. У реки останowi. Вернем сознание девушкам.

Глава 13

Между Анной и доктором Майером по завершении семестра установились, как им казалось, отношения доверительной дружбы, и однажды погожим весенним днем студентка оказалась на яхте преподавателя. Поводом для встречи послужила необходимость обсудить детали курсовой работы, посвященной строению человеческой головы.

Яхта, покинув порт Гамбурга, руслом Эльбы выступила к ее устью. Целью был выход в Северное море. Навстречу изящно очерченному лакированному корпусу шли сухогрузы, уставленные железными контейнерами выше судовых рубок. Плыли громадные танкеры. Традиции Ганзы и большой межконтинентальной морской торговли эпохи колониализма в Гамбурге живы как нигде в Северной Европе, и рожденная в Баварии Анна с удовольствием вкушала романтический дух морских ворот Германии.

Оснащенная парусом и мачтой яхта была невелика, а линии ее были совершенны. Шла яхта на моторе. Каюта вмещала два спальных места и стол. Доктор Майер объяснил Анне, как распознать фарватер, как управлять судном с помощью большого руля, похожего, по мнению Анны, на колесо телеги с фермы ее дедушки. И Анна уверенно вела яхту, внимательно сверяясь с картой и буями. Доктор Майер на газовой плите готовил утку с яблоками. Речь о ней шла с осени, и оба мечтали об утке, как о возделенном лакомстве.

На закате солнца яхта встала на рейд, бросив якорь в ста метрах от песчаных отмелей Северного моря. Обрамленная печеными картофелинами утка на широком расписном блюде украсила центр стола, полного фруктов и сладостей. В потолок каюты оглушительно выстрелила пробка шампанского, знаменуя начало ужина.

Как обычно, утка была необыкновенно вкусной, но мяса в ней едва хватило, чтобы распробовать. Шипя в бокалах, пенилось шампанское. Палуба была полна чаек, ожидавших своей порции долгожданного торжества.

К обсуждению намеченной темы приступили издалека.

– Какое красивое слово «аллели», – Анна коснулась бокалом губ, заглядывая в его донышко. – Что оно означает?

– Аллели – это разные формы одного гена, расположенные в одинаковых участках – локусах одинаковых хромосом. Аллели определяют альтернативные варианты развития одного и того же признака.

– Вы специалист по высокопроизводительному секвенированию, – Анна повернула голову вправо, смотря при этом прямо. – И мою митохондриальную ДНК вы определили гаплогруппой R.

– Да, – доктор Майер с сожалением посмотрел на то небольшое, что осталось от утки. – Чайкам, впрочем, кое-что достанется. А секвенирование нового поколения полногеномное. Секвенатор автоматически параллельно определяет миллионы последовательностей, представляя весь геном.

– Значит, моя прапраматерь R – дочь европейской Евы N, – Анна, помолчав, добавила: – Однако о голове. У младенца она составляет четверть от длины тела.

– С годами превращаясь в одну восьмую, – усмешка исказила канонически выверенные мужские черты лица. – Мужая, человек глупеет.

– В генетике я еще весьма нетверда, – пожимая плечами, Анна склонила голову набок, складывая на груди ладони. – Насколько я понимаю, клетки человека в разных частях тела копируют с ДНК белки из разных участков ДНК и человек отстраивается во всем своем разнообразии, от нейронов мозга до пальцев ног.

Доктор Майер, тряхнув головой, рукой коснулся нежного подбородка Анны.

– Твое лицо природа создала для того, чтобы художники рисовали с него фей, – палец коснулся надбровной дуги. – Верхнее веко, оно как выпавший ночью снег, радужная оболочка глаз и зрачок незримой цепью приковывают внимание, розовая склера и нижнее веко, наружный угол глаза – и все это залито влагой. И в этой красоте заключена красота младенца.

– А вы поэт, – красная кайма чувственных губ Анны, торжествуя, расплылась в счастливой улыбке.

– Нос, – доктор Майер с минуту его внимательно рассматривал. – Твоя ДНК отстроила его, будто тут потрудились рука молодого Микеланджело. Крыло носа, крыловидный желобок, ноздря, под носовой перегородкой складка с треугольником над губами.

После нескольких внимательных взглядов доктор Майер, вкусив скрытый в глазах Анны сладкий мед трепетной женственности, уже не мог отказать себе в удовольствии любоваться им при всякой возможности. А тогда, когда рядом Анны не было, он представлял себе ее глаза, и плен этот для него был сладок до головокружения. Фоном девичьих глаз служили ее изящно очерченные полные чувственные губы, мягкий совершенный овал лица, заключенный в спускающиеся на тонкие плечи густые каштановые локоны, и глубокий голос, выдающий сокровенные переживания влюбленной девушки. Образ этот, войдя в сознание мужчины, овладел им, став неотъемлемой частью, а мысль лишиться подобного плена повергала доктора в оторопь.

Громкая сирена заставила собеседников вздрогнуть. К яхте, разгоняя волны, стремительно приближался катер пограничной охраны.

Глава 14

Руслом реки Джа экспедиция проникла в провинцию Санга, на границу Камеруна и Конго, отыскивая носителей гаплогруппы В Y-ДНК, пигмеев, делящихся на западных баку и восточных мбути. В городке Весо наши герои с лодки сошли на берег, взяли в аренду «Ленд-ровер» и углубились в зеленую чашу экваториальных джунглей.

Мелиса и Изабель, убедившись в том, что Николай в полной мере обладает удивительным и загадочным качеством русского человека, которому сопутствует успех в самые критические моменты, тогда, когда, казалось, спасения ждать неоткуда, стали внимательно к нему присматриваться, как к непонятному миру феномену, неизменно вызывающему изумление и восторг. Они смотрели на него не так, как обычно смотрят женщины на мужчин, украдкой, будто случайно наткнувшись взглядом, а молча, пристально и подолгу, как смотрят в музеях на интригующую экспозицию.

Граница Камеруна, Конго и Габона, богом и людьми забытый край рек с заболоченными берегами и непроходимыми джунглями, была настолько дика, что сюда, опасаясь отравленных стрел аборигенов, не решались забредать ни похитители людей, ни представители властей.

Бонами с огромным трудом дорогами, смотреть на которые было страшно, подобрался к границам конголезского национального парка Одзала-Кокуа.

– Дальше пешком, – Бонами развел большими крепкими руками. – В землях пигмеев все как в каменном веке. Колеса тут не было и нет.

Разбили лагерь. Квадрокоптер, поднявшись в небо, отобразил на экране бескрайнее темно-зеленое море джунглей, прорезанных плавно извивающимися голубыми руслами рек с белыми песчаными плесами на берегах. Ни дорог, ни электроэнергии, ни связи тут не было.

Вечером у костра принимали решения о дальнейших действиях.

– Между рождением Адама с его гаплогруппой А и мутацией, породившей гаплогруппу В, прошло около ста тысяч лет безраздельного господства потомков Адама в Африке, – рассуждала Мелиса. – И новое окно возможностей для человечества открылось около девяноста тысяч лет назад.

– Молодое человечество долго набиралось сил, прежде чем однажды древо дало новый побег. Последний общий предок ныне живущих носителей гаплогруппы В жил восемьдесят четыре тысячи лет назад, – поддержал разговор Николай и, обратившись к Изабель, добавил: – Видимо, в это время природа обладала человечеством.

– Особенно благодетельствовала, – улыбнулась Изабель, удивительным образом умеющая естественно и непринужденно расположиться и в джунглях с присущим французам шармом. – Сто тысяч лет назад Вюрмский ледник уже сковал холодом Евразию, а Африка, видимо, наполнилась влагой, и благотворная прохлада сменила иссушающий зной.

– И в экваториальном лесу Африки от потомков бушменов и готтентотов с их монголоидными чертами появились на свет низкорослые негроиды, – Бонами с невозмутимым видом помешивал в котелке пузырившуюся на огне кукурузную кашу. – Западные пигмеи бака и восточные мбути.

– У народа хадза в Танзании, – заметила Мелиса, – гаплогруппа В представлена на 52 %. Но как мы проникнем к пигмеям?

Бонами достал из сумки горсть расплюснутых гвоздей, объясняя:

– Пигмеи меняют у соседей банту железо и, смазав железные наконечники стрел и копий ядом, отправляются на охоту.

Изабель полулежала, прислонившись спиной к стволу пальмы, в окружении корзин, платков и шарфов. Казалось, она пребывала на террасе собственного шале в Шамони на склоне заснеженного Монблана.

Мелиса хлопотала у огня и пищи, подкладывая в очаг хворост, и, рассчитав рацион участников экспедиции, следила за порционным потреблением продуктов. Казалось, Мелиса пребывала на юге Англии или на западном побережье Канады в Британской Колумбии.

Созерцавший огонь Николай выглядел отрешенным от всего сущего, словно голова его была занята загадкой утраты Марсом атмосферы и магнитного поля или воспоминаниями о периодах смягчения морозов Вюрмского ледника, интерстадиалах, представлявших крепнувшему, набиравшемуся опыту человечеству редкие окна возможностей.

Бонами сливался с темной экваториальной ночью, и о его присутствии напоминали белки глаз и ослепительно белые зубы. Бонами представлялся бестелесным духом, властителем саванн и джунглей, хранившим очаг экспедиции.

Облизывая алюминиевую ложку с кукурузной кашей, Изабель спросила:

– Углерод и фосфор – основа ДНК, а что же мы должны есть, восполняя их в наших организмах?

– Углерод – это 18 % веса человека, – объяснила Мелиса, укрывая пакет с кукурузной мукой от мышей в металлическом ведре. – С пищей мы потребляем органические соединения углерода и воды, углеводы. Всасываясь в стенки желудочно-кишечного тракта, углеводы поднимают уровень сахара в крови. Кукуруза, хлеб, рис, картошка, манная каша – все это углеводы.

– Выходит, мы питаемся правильно, – Изабель вспомнила хрустящий багет с прованским маслом. – А фосфор?

– Его много в фасоли и чечевице, – Мелиса как раз считала их объемы в открытом контейнере с продовольствием. – Фосфор мы получаем с рыбой, со свининой, курицей и индейкой, с молоком, тыквой, орехами, овсом, рисом, пшеницей и со злаками: амарантом и киноа.

Спать легли в палатке вчетвером. Засыпая, Изабель спросила:

– А что такое окисление? Говорят, оно очень вредит организму.

– Окисление, – Николай помял рюкзак у себя под головой. – это потеря атомом электрона.

– Кажется, обьялась, – Изабель едва шептала. – Я чувствую, как съеденные за ужином углерод и фосфор отстраивают спираль ДНК новой клетки. Надеюсь, не мутировавшей.

Проснувшись утром, обнаружили отсутствие Бонами. Он появился в обществе десятка осторожно ступавших голых пигмеев. Они выглядели заинтересованными в общении с обладателями железа. Вывернутые наружу чувственные темно-розовые губы пигмеев, крупный нос спелой сливой, черные, как тропическая ночь, глаза взрослых детей, обрамленные курчавыми волосами высокие лбы и крохотный рост. Все это растрогало и заворжило Мелису, Изабель и Николая настолько, что они некоторое время, растерявшись, казалось, утратили дар речи, разом сознанием умчавшись на восемьдесят тысяч лет назад и оказавшись во втором окне возможностей человечества.

Час брели едва различимой тропой под сенью пяти ярусов реликтового экваториального леса. На небольших расчищенных участках открывались посадки маниоки, кукурузы, сахарного тростника и бананов. У идущего впереди пигмея из висящей на бедре кожаной сумки вилась пепельная струйка дыма. Изабель глазами указала на нее Бонами, и он объяснил:

– Пигмеи не умеют добывать огонь и источник огня носят с собой.

Лес расступился, и деревня пигмеев предстала окном в мир девяти тысячелетней давности. Крошечные черные люди с курчавыми головами выбрались из свитых из глины и ветвей хижин и с любопытными взглядами миролюбивых дикарей обступили белых гостей.

Прежде всего пигмеям раздали подарки, едва ли не весь металл, включая пудреницы и брелоки...

Взяли анализы ДНК у мужчин и женщин, уложив их в контейнер с надписью: «Германия. Гамбург. Доктору Майеру».

До заката солнца участники экспедиции бродили в джунглях вслед за охотившимися пигмеями, прислушиваясь к реву горилл и визгу шимпанзе. Добыли дикую свинью на водопое у ручья.

Вечером в деревне начался праздник. Пигмеи благодарили духов леса за щедрые дары, к коим они причисляли металл. Выстроившись в хоровод вокруг нескольких барабанщиков, обитатели деревни начали танец с ритмичными движениями тела под монотонные напевы. Николай бил в барабан. Мелиса и Изабель, став в круг, скоро впали в транс, содрогаясь полуобнаженными телами. Курчавые головы пигмеев доходили им до груди. С наступлением темноты началась долгожданная трапеза.

Насытившись свининой и бананами, исследователи, рассматривая миниатюрные фигуры аборигенов, сливавшиеся с темнотой ночи, вернулись к насущному.

– К моменту мутации ДНК и рождения общего предка пигмеев и их гаплогруппы В митохондриальная ДНК Евы также неоднократно мутировала, породив восемь побегов, – Мелиса казалась очень довольной и страшную историю в Камеруне начала забывать. – В Германию мы отправляем и митохондриальную ДНК женщин-пигмеев.

– Да, – Николай глубоко вздохнул, сожалея о переедании, – африканская Ева двести тысяч лет назад породила мутацию L0. Сто семьдесят четыре тысячи лет назад в центре Африки появилась митохондриальная группа L1. Далее в Африке возникает L2 около ста одиннадцати тысяч лет назад. А около ста тысяч лет назад в Восточной Африке родилась митохондриальная гаплогруппа L3.

– И именно L3 породила господствующую в Азии и шестьдесят тысяч лет назад рожденную то ли еще в Африке, то ли уже в Евразии митохондриальную гаплогруппу М, азиатскую Еву, – тут Мелиса посмотрела на Изабель, обвивавшую нежную шею красивым шелковым платком. – И от L3 родилась шестьдесят пять тысяч лет назад то ли в Азии, то ли еще в Африке митохондриальная гаплогруппа N.

– Это европейская Ева, – предположила Изабель.

– Да, но кое-кто из ее потомков попал в Азию, – Николай поднял глаза на усыпанное яркими звездами небо. – Кроме L0, L1, L2 и особо значимой L3, Ева породила ветви: L4, широко представленную у хадза в Танзании, L5, L6 и L7.

Николай вновь взялся за барабан. Мелиса, заявив, что она перевоплотилась в азиатскую Еву, носительницу митохондриальной гаплогруппы М, подняв руки, встала в центре деревни, у пылающего огня. Изабель объявила, что она в этот вечер олицетворяет европейскую Еву N. Ладони Николая коснулись туго натянутой кожи, и барабан гулким ритмом огласил экваториальный лес древней мелодией жизни. Танцы продолжались до рассвета. Пигмеи, хлопая в ладоши, мерно раскачиваясь, исполняли напевы каменного века, повествуя об окне возможностей, однажды счастливо открывшемся для них и не закрытым по сию пору.

Глава 15

Покинув долину реки Конго, экспедиция, следуя по стопам евразийского Адама, пыля казавшимися бесконечными дорогами, оказалась на Эфиопском нагорье и далее на берегу Баб-эль-Мандебского пролива, отделяющего Африку от Аравийского полуострова. Рядом гудками и скрежетом металла шумели причалы эфиопского портового города Асэба. Слева пенились воды изобилующего кораллами Красного моря, окруженного раскаленными солнцем песками Египта, Судана и Аравии. Справа на берег накатывались расцвеченные белыми барашками изумрудные волны Аденского залива и Индийского океана. Баб-эль-Мандебский пролив был полон судов всех возможных форм и размеров, доставляющих все достояние Азии к Суэцкому каналу и в Средиземное море, в порты Генуи, Амстердама и Гамбурга.

– Не знаю, как вы, – Мелиса осмотрелась с улыбкой жизнерадостного подростка, – а я переживаю ощущение проникновения в параллельную реальность, несмотря на все танкеры и сухогрузы, телекоммуникационные мачты и наш «Лендровер».

– То есть в прошлое, – заметила Изабель, убирая от глаз бинокль.

– Да, в прошлое, – африканский загар шел Мелисе, – но хотела бы заглянуть и в будущее.

Наступил последний день пребывания в Африке. По этому поводу устроили торжественный обед с приобретенными в Асэбе омарами и шампанским.

Песок пляжа застелили брезентом. Разожгли огонь. Подняв жестяную кружку с пенящимся напитком, Изабель, волнуясь, произнесла:

– Признаюсь, я переживаю противоречивые чувства. С одной стороны, Африка, страстно мною любимая, но порой дикая и пугающая, у меня отняла немало сил, и я с нетерпением ожидаю перехода в Евразию. С другой стороны, мне до слез жалко расставаться с обласканной солнцем и океанами древней колыбелью человечества. Ведь, по большому счету, Африка – наш общий отчий дом, и она объединяет всех нас от Британии до Японии и Новой Зеландии.

Неуловимой тонкой экспрессией безграничного загадочного обаяния и художественным взглядом на вещи француженка и здесь окружила себя разнообразными мелочами так, словно вышла прогуляться на средиземноморское побережье в Провансе и, встретив друзей, им очень обрадовалась.

– И меня Африка растрогала до слез, – глаза Мелисы выражали печаль. – Я не представляю, как расстанусь с ней. Это как уйти из собственного дома.

Скоро омары и шампанское улучшили настроение.

– Давно хотела спросить, – Изабель паузой добилась тишины, а Мелиса невольно отметила: чем талантливее актер, тем дольше у него пауза. – Вы все время упоминаете ОНП, а мы с Бонами молчим, делая вид, что что-то понимаем.

– Однонуклеотидный полиморфизм, ОНП – это, – Мелиса взглянула на Николая, оценивавшего на глаз ширину Баб-эль-Мандебского пролива. – Это отличия последовательности ДНК размером в один нуклеотид в геноме представителей одного вида. Нуклеотид – это органическая молекула.

– И тут мы идем по следу евразийского Адама с ОНП мутацией M168, – Изабель взглянула на Николая, а он, улыбаясь, ответил:

– У мужчины, жившего около восьмидесяти восьми тысяч лет назад, принадлежавшего гаплогруппе ВТ, произошла мутация ОНП M168, и у него родился евразийский Адам с гаплогруппой СТ Y-ДНК, последний общий предок которой жил около шестидесяти восьми с половиной тысяч лет назад.

– Где теперь находят сородича евразийского Адама? – Изабель укрыла голову от палящего солнца соломенной шляпой с алой лентой.

– Находят носителей СТ в Леванте и Иране, в Чехии и Румынии и на правом берегу Среднего Дона в Костенках 12, возраст этого поселения тридцать две тысячи лет.

– Костенки – это место, где люди из костей мамонтов строили круглые жилища, – линии рук Изабель были продолжением ее силуэта, и их движение имело магическую силу. – И тысячелетия укрывались в них у очагов от обжигающего стужей дыхания Вюрмского ледника.

– Да. Костенки – место волшебное. Предположительно, там люди жили с мамонтами, как теперь живут с коровами, – Николай качнул головой. – Однажды побывав там, место это уже не забыть.

– Но где появился на свет евразийский Адам? – Мелиса подняла глаза на Изабель – Что подсказывает интуиция тебе, ловец молний?

– Зачать его могли в Африке под сенью лесов Эфиопского нагорья, среди курящихся вулканов и ревущих львов, – Изабель обернулась на юг, к Африке, демонстрируя изысканный профиль. – А родить...

– А родить могли уже в Аравии или в Леванте, на новой родине, в Евразии, – Мелиса, пригубив кружку с шампанским, улыбнулась, освещая пространство обаянием позитива. – Может, и гены мутировали из-за перехода на новый континент.

– Я вдруг подумала вот о чем, – лицо Изабель выражало удивление внезапного озарения. – Для каждого из нас собственными Адамом и Евой являются отец и мать. Во-первых, потому что они нас родили. Во-вторых, оттого что от первых Адама и Евы наших родителей отделяет лишь десяток мутаций атомов в ДНК и двести тысяч лет. Для космоса это миг.

– С этим я абсолютно согласна, – Мелиса положила ладонь на руку Изабель. – Мы вообще слабо осознаем, участниками какого удивительного процесса являемся.

– И все-таки пара десятков километров морской стихии для людей, похожих на современных пигмеев, – Изабель, с сомнением качнув головой, взглянула на Николая. – Может быть, люди вышли из Африки в Евразию, поднявшись на север долиной Нила к его дельте и далее через Синай и Левант.

– Возможно, – Николай усмехнулся, и углы его глаз очертили тонкие складки. – Но, во-первых, Вюрмский ледник, наморозив воду на полюсах, обнажил побережья морей и океанов на десятки километров, и пролив мог быть совсем не широк. Во-вторых, север Африки – это пустыни, и одолеть их непросто. Впрочем, иногда Сахара превращалась в цветущую саванну.

На следующий день с восходом солнца к пристани Асэба подошел катер из Йемена. Бонами оставался в Африке. По женским щекам катились слезы. Последовали крепкие объятия и уверения в вечной дружбе.

– До Аравии около часа плавания. Будьте внимательны. Пролив не самое безопасное место на планете, – Бонами коснулся ладонью растроганных глаз, и его похожий на шум водопада низкий голос дрогнул. – В Танзании у вас есть друг, и он всегда вас встретит в Дар-эс-Саламе.

Подняли сходни. Катер, урча мотором, отвалил от пирса. Вода за кормой вспенилась. Африканский берег стал медленно удаляться, растворяясь в утренней дымке, как неясный мимолетный сон.

На увитых локонами нежных шеях Мелисы и Изабель развевались шелковые платки. Влажные девичьи глаза внимательно рассматривали песчаный берег приближающейся Аравии. Солнце разогревало пески громадной пустыни Руб-эль-Хали, и атмосфера над Евразией превращалась в расплавленное подвижное море.

– По-моему, – Мелиса говорила медленно, придавая этим особый смысл словам. – Мы угодим в самое пекло. А что имел в виду Бонами, говоря о проливе? Рифы и течения?

– Конечно, – отозвалась Изабель. – По-моему, я различаю вершину Эль-Наба-Шааб, высота три километра шестьсот метров. Она парит над пустыней Йемена, словно вырвавшийся из серебряного сосуда легендарный дух из сказок тысячи и одной ночи.

На середине пролива катер взял курс между идущими в Красное море сухогрузом, похожим на составленный из контейнеров длинный десятиэтажный дом, и танкером, который был так велик, что казался оторвавшимся от континента куском суши, превратившимся в плавучий остров. Два железных исполина разделяли пятьсот метров.

На востоке заревели моторы. Скоро среди волн стали различимы две большие моторные лодки, с бешеной скоростью мчавшиеся именно туда, где неспешно, одолевая течение, сипя и надрывно потрескивая изношенными железными потрохами, двигался катер экспедиции. Стоявший на руле в крошечной рубке араб в чалме, дубленый, как египетская мумия, с кожей цвета кофейных зерен, в белой рубахе до пят, подняв сухие, как ветки акации, руки, закрыл ладонями лицо, рухнул, ахнув, на колени и монотонно нараспев затянул молитву.

– Кажется, я догадываюсь, что имел в виду Бонами, – Мелиса, побледнев, вцепилась в штурвал захваченного сильным течением катера. – Сомалийские пираты.

Катер был пять метров длины и три ширины, с прокопченным трюмом, скрывавшим отчаянно дымивший мотор, который трясся так, что казалось, вот-вот сорвется с крепивших его к корпусу гаек.

Над моторными лодками стали различимы полтора десятка черных голов с торчащими над ними стволами стрелкового оружия. Вдоль бортов танкера и сухогруза, до сих пор представлявшихся абсолютно безлюдными, заметались фигуры, казалось, потерявших от ужаса рассудок людей. На судовых рубках и мачтах замигали огни, завывали сирены, захрипели громкоговорители.

Катера разделились. Один шел к сухогрузу, второй к танкеру. В руках сомалийцев замелькало нечто похожее на кошки с веревкой, перевязанной узлами. С ними проще влезать на борта.

С танкера ударил пулемет.

– Немецкий пулемет времен Второй мировой, – Николай кивнул головой на источавший языки огня ствол. – Да, это он. Бьет очень кучно и прицельно.

С сухогруза раздались автоматные очереди. Пули засвистели всюду вокруг. Заработали снайперы. Море волновалось, и волны скрывали от огня несшиеся на предельной скорости лодки сомалийцев.

Изабель и Мелиса, лежа на палубе, молчали. Николай держал штурвал. Араб, опустившись на колени, молился.

Лодки сомалийцев, отвернув от кораблей, помчались к катеру. Казалось, еще минута, и развязка, страшная как кошмарный сон, неизбежна. Стали различимы черные лица с пухлыми губами, с глазами скрывающимися в кораллах хищных мурен.

– Какой ужас, – шептала Изабель, обратив лицо к небесам. – А что там...

Со стороны Красного моря донесся шум моторов. В небе появился вертолет. От аравийского берега, поднимая фонтан брызг, мчался маленький военный корабль. В небесах что-то хрустнуло, и две ракеты ударили в море так, что Изабель и Мелиса, казалось, сжались до комочков размером с кулак.

Восемьдесят восемь тысяч раз планета еще не облетела вокруг Солнца. Север Евразии скрывали ледники. Южнее тундра сменялась хвойными и широколиственными лесами. Счастливая Африка благоденствовала. Теплый влажный континент служил бескрайним пастбищем для похожих на тучи стад газелей и зебр. За ними, высматривая телят и больных, неотступно следовали хищные кошки. Пространства Сахары и Нубии пересекали речные потоки, и всюду зеленели травы, вскармливавшие слонов, носорогов и бегемотов.

Охотники, похожие на современных пигмеев, невысокие, черные, с носом сливой и курчавыми волосами вокруг высоких лбов, осторожно ступая босыми ногами вслед за стадами газелей, в тот год перешли Эфиопское нагорье и устроили стойбище на берегу Баб-эл-Мандеб-

ского пролива. Они использовали около сотни слов, описывающих самое основное, восполняя скудную речь мимикой и жестами. Община была невелика, и все в ней состояли в родстве.

Однажды утром море отливом и ветрами обнажило прибрежный шельф особенно далеко, и женщины с детьми весь день собирали среди водорослей моллюсков и крабов. На закате солнца мужчины, вернувшись с охоты, сели у пылающего очага. Обсуждали, куда двигаться дальше. Всех давно манила земля на севере, населенная кряжистыми с широкой костью неандертальцами, сильными, как горные гориллы.

Взошла полная луна. За ней последовали яркий Юпитер с четырьмя едва различимыми спутниками и загадочный Сатурн. На противоположном берегу сузившегося залива вспыхнули огни костров. Что-то неодолимо притягательное было в их едва различимом свете. И община решилась.

– Идем, – вождь указал на север рукой, украшенной браслетом из кожи крокодила. – Все. Весь следующий день община собирала плоты.

На закате солнца вождь внимательно взглянул на свою избранницу. Община, надев на головы маски, плясала вокруг костра, прося у духов предков помощи в намеченном плавании через пролив.

В полночь вождь уединился под сенью из ветвей и сучьев со своей избранницей. Оба были молоды, сильны и выносливы, как пара ягуаров. Вождь, коснувшись женской груди, почувствовал, что она особенно нежна, упруга и будто полна молока.

В ту ночь на берегу пролива был зачат евразийский Адам с мутацией ОНП М 168, предок всех живущих в Евразии мужчин. Предвкушение намеченного плавания в пределы неандертальцев, душевное смятение, морской бриз, изобилие моллюсков и многое иное, о чем мы можем лишь догадываться, сыграло свою роль, и крошечное изменение в ДНК зачатого ребенка породило гаплогруппу СТ мужской Y-хромосомы.

Через залив община переправилась благополучно. На аравийском берегу, пустыни которого в ту пору были скрыты травами, ее встретило стадо газелей и львиный прайд. Неандертальцы, показавшись на склонах холмов, в глубине суши, предпочли отступить. Впоследствии несколько десятков тысяч лет случалось, что они крали женщин Homo Sapiens и те рожали им потомство, привнесшее до четырех процентов генов неандертальцев в геном современных европейцев. Азию неандертальцы не населяли, уступив ее своему собрату, денисовскому человеку.

В тот век многие африканские общины, следуя на север за стадами газелей, перешли в Евразию. Но кто-то погиб в схватках с неандертальцами, кто-то утонул в водах пролива, и выжило лишь потомство единственного мальчика, зачатого в Эфиопии, а рожденного на Ближнем Востоке.

К пристани городка Маха в Йемене, как раз туда, куда однажды прибило плот родителей евразийского Адама, Изабель, Мелису и Николая доставил французский корвет, несший дежурство в Бад-эль-Мандебском проливе.

Подняв ладонь к голове, командир судна представился:

– Капитан Аделард.

– Что означает «благородная сила», – улыбнулась Изабель, теряя сознание.

Сильные смуглые руки стройного подтянутого капитана подхватили девушку. Матрос протянул пузырек с нашатырем. Вздвогнув, Изабель очнулась. Ее еще объятые ужасом глаза встретились с зелеными глазами Аделарда, и началось наваждение, разговор глазами впервые увидевшихся мужчины и женщины. Отдавая распоряжения, перекрикивая работавший на полную мощность двигатель, капитан то и дело оборачивался к усаженной в шезлонг Изабель. Глаза обоих мгновенно вспыхивали, а лица в смущении отводились в стороны.

Восторженные глаза Аделарда робко вопрошали.

– Мне позволено, любуясь вами, узнать вас ближе?

– Конечно, капитан, – отвечали глаза Изабель с улыбкой. – Будь смелее, – и добавляли с некоторой иронией: – Неужели вы, гроза пиратов, не решитесь.

И капитан решился. На палубу корвета матросы поставили укрытый белой скатертью стол с шампанским, лобстерами, паэльей и восточными сладостями.

Взглянув на Николая, Мелиса дала понять, что не следует мешать французам, заведя беседу о вкусовых качествах морепродуктов. И диалог глазами продолжился.

Аделард, аскетичная военная морская форма с цветными шевронами ему очень шла, представлял собой зримое воплощение благородства, облеченное в совершенное тело идеального атлета. Зеленые глаза, правильные черты загорелого лица, совершенные крепкие ладони, широкие плечи, прямая спина – все это невольно служило отсылкой к портретам мореплавателей галантного восемнадцатого столетия.

Красавица Изабель после пережитого была бледна, почти не ела, молча переводя взгляд с морских волн на зеленые глаза капитана, любуясь их совершенством. А он, скоро забыв о корабле и обо всем на свете, завороченно смотрел в лицо девушки, с изумлением осознавая ее безграничную власть над собой.

Обед завершился. Встав, Изабель протянула капитану руку. Аделард, склонив холеную голову, взял Изабель под руку и увлек на закрытую от досужих глаз палубными постройками корму.

– Да, – махнув длинными ресницами, произнесла Мелиса. – Надеюсь, до Аравии нам плыть недолго и мы не успеем лишиться важного лица экспедиции.

– Надеюсь, – отозвался Николай, рассматривая в большой бинокль едва различимый арабийский берег. – Не устаю восторгаться французами и их естественным изяществом во всем, к чему они касаются.

Аделард с минуту молча любовался абсолютной красотой представленного ему женского образа. Изабель с улыбкой смотрела в зеленые глаза капитана, держа его за обе руки. В глазах капитана на мгновение отобразилась дерзость. Корвет качнуло. Они порывисто обнялись, запечатлев на губах друг друга глубокий французский поцелуй души, и слезы восторга полились по их щекам.

– Скоро порт, – капитан выглядел ошеломленным.

– Что с нами? Утром я успела проститься с жизнью, в полдень увидела твои зеленые глаза, – на лице Изабель отражалось изумление. – Неужели это то, о чем мы мечтаем всю жизнь?

– Взаимная любовь, – Аделард ладонью ласкал шею и уши девушки. – Это она. Необыкновенно сильная.

– А как же расставание. Мы будем страдать, – Изабель, склонив голову набок, смотрела на капитана снизу вверх. – Куда ты теперь плывешь?

– Через шесть месяцев я встану на рейд в порту Борнео.

На груди капитана Изабель лишилась чувств второй раз за день.

Глава 16

Прикладная математика допускает широкий спектр возможностей от программирования до преподавания, и Олег попробовал себя в разных ипостасях, но воспоминание о решении вероятностной задачи его не покидало, и теория вероятностей, и математическая статистика оставались его любимым разделом математики.

Фонд защиты дикой природы объявил международный конкурс на замещение места учителя математики в школе, скрытой в джунглях экваториальной Африки. Олег подал заявку и вскоре в почтовом ящике своего подъезда обнаружил пакет с авиабилетом, кредитной картой и подробной инструкцией дальнейших действий.

В аэропорту столицы Кении Найроби в объятия Олега заключила Муна, представляющая фонд в экваториальной Африке. Спутницу русскому учителю для миссии в Африке аналитики фонда тщательно подбирали.

Муна была египтянкой с внешностью Нефертити. Крупные чувственные губы, обладающие магией сверхъестественной красоты, выразительные темные глаза, совершенная мягкая пластика изумительных форм – все это на тонко чувствующего Олега произвело ошеломляющее впечатление. Когда Муна, руками обнимая за шею, снизу внимательно и нежно взглянула в синие глаза русского учителя, сознанием забывший обо всем на свете Олег умчался в эпоху древнего царства, в легендарные времена строительства великих пирамид Гизы.

Олег был щедро одарен природой. А немногие яркие таланты подобны медведям и показываются на глаза друг другу не чаще бурых разбойников. И с некоторых пор Олег, утратив интерес к особям мужского пола, в большинстве заурядным, оказался окружен школьниками, студентами и присматривающими за ними женщинами. Познакомившись с Муной, Олег ощутил себя благословенной Творцом птицей, обладающей красивыми сильными крыльями. Дальнейшее было полетом.

Олег на Муну произвел впечатление спустившегося с небес пропитанного запахами печного дыма и свежестью трескучих морозов северного божества, созданного природой из замерзшего ствола исполинской лиственницы, в который однажды вдохнули новую жизнь.

Будучи умным человеком, Олег больше слушал, чем говорил, подбрасывая собеседникам наводящие вопросы. Внешне Олег был похож на воплотившегося в человека лесного духа, с рассветом раздвигающего ветви деревьев и пристально рассматривающего разгоняемый стихийной цифровизацией до безумных скоростей, утрачивающий здравый рассудок мир.

Смуглая Муна и белокожий Олег, взявшись за руки, составили на удивление гармоничную пару, подобную дню и ночи, солнцу и луне.

Проведя сутки в железнодорожном вагоне, Муна и Олег оказались на северном берегу подобного морю озера Виктория, на границе Кении и Уганды, недалеко от городка Мьянзи, среди девственной природы, на полуострове, глубоко вдающемся в голубые воды истока Нила.

Школа собирала детей окрестных деревень. Среди детей народов банту и масаи за партами сидели дети европейцев, китайцев, индусов, арабов. Их родители работали в компаниях, выкачивающих из Африки ее богатства, от ценных пород деревьев до алмазов и редкоземельных металлов.

Начав первый урок математики, Олег спросил, есть ли в классе отличники. Три девочки и один мальчик из двадцати подняли руки. Трое отстающих оказались сидящими на последних партах.

Начали со сложения дробей. Мелом на доске Олег отобразил латинскими буквами этот нехитрый процесс и спросил, есть ли желающие выйти к доске решить задачи. Пятеро отличников друг за другом, настороженно поглядывая на Олега, сложили, вычли, умножили и разделили дроби.

Олег невольно обратил внимание на особый свет во взглядах ловящих на лету смыслы детей. Этот свет разума обладал неотразимым обаянием. Возраст детей был одиннадцать-двенадцать лет. Начало переходного периода, самая сложная пора процесса взросления.

Отстающие решительно отказывались выходить к доске. Тогда Олег стал приглашать к доске молчаливое большинство. Из их числа одна девочка до урока объявила о том, что у нее ушиблен палец и доктор ей запретил писать. Ее соседка весь урок карандашом на клочке бумаги рисовала и на все вопросы с ангельской улыбкой отрицательно качала головой. В центре класса сидела девочка, активно общавшаяся с соседкой мимикой и жестами и по временам внимательно смотревшая на Олега. В определенный момент ее глаза встретились с глазами учителя, и цель была достигнута. На нее обратили внимание. Девочка, блаженно улыбаясь, замолчала, растворившись среди одноклассников.

Большинство решали задачи с натугой, и Олег ощутил пятикратно возросший расход собственной энергии на толкование многократно повторенных правил. Скоро процесс свелся к тому, что Олег писал на доске правило, а пятеро отличников с удовольствием на доске решали предложенные им задачи. Половина класса записывала ход решений. Половина безмятежно предавалась разнообразным утехам.

Обстоятельства вынудили Олега открыть для себя давно забытое. И все великолепье королевы наук, математики, представилось его зрелому сознанию пленительной сказкой. Математика не терпит лжи, но люди, манипулируя цифрами, умудряются с их помощью лукавить. Однако сама математика прекрасна, как кристалл горного хрусталя, и истинный ценитель пресытиться ею не может, черпая в ней и удовлетворение и вдохновение.

Математика – ревнивая муза. Заниматься ею надо постоянно, иначе густой туман забвения скрывает и самое очевидное. А для постоянных занятий математику надо полюбить. А полюбив ее, Олег пережил вторую юность. Математика же ответила Олегу взаимностью, представляя ранее казавшееся весьма сложным простой очевидностью, немногим сложнее операций с дробями.

Очень скоро Олег глубоко погрузился в область теории вероятностей и математической статистики. Это было похоже на возвращение в родную гавань, к до слез любимым берегам.

Задача расчета вероятности рождения нового вида Номо возникла в сознании Олега словно ниоткуда, сама собой. Постановка и изящество решения увлекли исследователя настолько, что весь мир для него на некоторое время утратил смысл. Но было одно исключение, Муна. Она следовала за Олегом безмолвной тенью всюду, собственной магией защищая синеглазого северянина от немирных духов таинственной Африки.

Любовь Муны представлялась совершенным жертвенным даром сверхъестественной красоты и силы. Устоять Олег не мог и, погрузившись в мир египетской женственности, предал себя ее власти всецело.

Ночами Муна, не выпуская из объятий, согревала Олега собственным трепетным телом. Так кошки греют до блеска вылизанных котят, густым мехом и нежными лапами скрывая их от утренней свежести.

Глава 17

Дорога от Мекки до Эр-Рияда – это семьсот километров желтых барханов, среди которых иногда выступали одnogорбые верблюды с облаченными в белое невозмутимыми смуглыми арабами на спинах и палящее солнце, не ведающее пощады.

С глухим ревом поднявшись в растопленные зноем небеса, огромный самолет с иероглифами на борту взял курс на японский остров Хоккайдо, в страну айнов, следуя по пути некогда прошедших Евразию от Леванта до берегов Тихого океана представителей вида *Homo Sapiens*.

Из Эр-Рияда в Германию отправили контейнер с образцами ДНК современных обитателей Ближнего Востока.

Проснувшись, Изабель, подняв руки, потянулась в кресле с грацией леопарда и, глотнув воды, произнесла:

– Хотела бы я оказаться среди снегов Савойи, на перевале Малый Сен-Бернар, среди лыж и санок, в деревушке Се.

– И намазав разломленный теплый багет клубничным джемом, – Мелиса мечтательно улыбалась, – утопая в шезлонге на широкой веранде деревянного шале, любоваться ослепительной вершиной заснеженного Монблана.